ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 13 (3042) Четверг, 29 января 1953 г. Цена 40 коп.

Великие преобразования

Памятными вехами сталинской эпохи поднимаются на просторах нашей Родины стройки коммунизма. Тысячекилометровая зеленая стена встает на пути песчаных бурь и суховеев к хлебным житницам страны. Уже соединились древние русские реки Волга и Дон, растут на Днепре, Волге, Аму-Дарье великие сооружения. Подобно кровеносным сосудам, покрывают пустыни и засушливые степи артерии оросительных каналов. «Поистине советские народы,— с восхищением говорит руководитель английской компартии Г. Поллит,— доказывают, что люди могут творить чудеса, что люди могут делать то, что раньше приписывалось только богу; что они могут вырвать секрет у матери-природы; могут изменить географию страны; могут заставить расти два колоса там, где рос один; могут соединить Ледовитый океан с Центральной Азией!».

Вновь и вновь перед всем миром раскрывается неизмеримое превосходство социалистической системы над отживающей капиталистической. В Советской стране все сокровища передовой науки и культуры используются миллионами свободных тружеников на переделку природы, на благо простого человека. Могучая организующая сила Коммунистической партии, гений Сталина ведут советских людей все к новым высотам.

Великий вождь учит: **«...люди, познав законы природы, учитывая их и опираясь на них, умело применяя и используя их, могут ограничить сферу их действия, дать разрушительным силам природы другое направление, обратить разрушительные силы природы на пользу общества».**

Сталинские планы преобразования природы в Советской стране воодушевляют ныне строителей новой жизни на значительной части материков Европы и Азии — от Одера и Нейсе на Западе до берегов Желтого моря на Востоке. Познавая законы природы, трудящиеся стран народной демократии, по примеру Советского Союза, все решительней обращают разрушительные силы природы на пользу обществу, претворяют в жизнь мечты поколений. И мы видим: это наступление приняло на свободной земле действительно гигантские масштабы.

Посмотрите на карту Центральной и Юго-Восточной Европы! В знойных степях румынской Добруджи уже отчетливо проступают контуры замечательного сооружения — канала Дунай — Черное море. Тысячи гектаров земли Добруджи осушены, орошены и дают невиданные здесь раньше урожаи. Поднялись на канале первые кварталы новых солнечных городов Поарта-Алба и Наводари.

На бурливых реках, сбегающих с вершин Карпат, растут бетонные плотины. Одна из них встала на реке Саду, другая примет вскоре на свою грудь реку Бистрицу, и тогда турбины гидроэлектростанции будут давать ежегодно 430 миллионов киловатт-часов электроэнергии заводам и фабрикам, городам и селам. Усмиренная река напоит 300 тысяч гектаров земли на юге Молдовы и в Северном Бэрэгане.

А впереди у народа Румынии еще более захватывающие планы. Канал Дунай — Бухарест соединит столицу республики с великой рекой. В недалеком будущем у Железных ворот на Дунае возникнет гигантская гидроцентраль, такая же мощная, как Куйбышевская и Сталинградская. Румынский народ все более уверенно вступает на путь комплексного использования природных богатств, на путь электрификации страны, создания удобных водных магистралей, орошения земли.

И в болгарской Добрудже живая вода пришла на крестьянские поля. Среди гор Болгарии, подобно оазисам, сверкают под солнцем огромные водохранилища, питающие окрестные равнины. Уже перехвачено плотиной течение реки Росица. Создано водохранилище и в живописных Родопах, на реке Искыр сооружается огромное водохранилище — море имени лучшего друга болгарского народа И. В. Сталина. Оно оросит 65 тысяч гектаров Софийской равнины. Здесь будет три гидроэлектростанции. Так раскрепощенные производительные силы новой Болгарии меняют географию страны.

В Польше недавно дала первый ток самая крупная в стране гидроэлектростанция имени Людвика Варынского. Она снабжает энергией города и села Зеленогурского и Познаньского воеводств и Нижней Силезии. Только три человека управляют этой станцией — здесь все автоматизировано.

А завтрашний день Народной Польши! В новой пятилетке Висла станет судоходной на протяжении тысячи километров — от Силезии до Балтийского моря. Гидроэлектростанции на Висле будут давать ежегодно 5—6 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Воды реки оросят 100—150 тысяч гектаров полей. Побегут суда и по несудоходному ныне Бугу. Силезский канал свяжет Вислу с верховьем Одера. Народная Польша покроется серебряной сетью современных водных путей, основное кольцо которых охватит наиболее богатые и оживленные районы страны.

В Чехословакии сооружаются гидроцентрали на реках Влтава и Ваг, создаются лесозащитные полосы и каналы. В Венгрии воды Тиссы пришли в глухие, еще недавно заброшенные районы Хортобади — «Голодной степи». В маленькой Албании к концу 1955 года будет пущена гидроэлектростанция на реке Мати и, как сказал тов. Энвер Ходжа, «Сталинский свет засияет над албанской землей».

Мы подходим к карте Народного Китая. Не было такой книги об этой древней стране, где бы не рассказывалось о бедствиях и катастрофах, которые из десятилетия в десятилетие, из года в год приносили ее многочисленные и капризные реки земледельцу. В 1938 году, например, только в водах Хуайхэ во время наводнения утонуло полмиллиона человек.

И вот хозяином китайской земли, ее рек стал народ. Не мог он больше мириться с тем, что разрушительные силы природы берут над ним верх. Горячо откликнулись миллионы крестьян на призыв председателя Мао Цзэ-дуна:

— Непременно обуздать Хуайхэ!

Прошло каких-нибудь три года, казалось бы, мгновение в уходящей в глубь веков истории Китая, а уже на протяжении тысячи километров берега Хуайхэ оделись в каменную одежду. Китайские патриоты, воодушевленные коммунистической партией, меняют лицо всего бассейна реки. В верхнем и среднем течении Хуайхэ создается 38 водохранилищ, которые примут в период дождей воды ее двухсот с лишним притоков. Река оросит 2 млн. 670 тыс. гектаров земли.

Кипит работа и на других реках Китая: Хуанхэ, Янцзы, Ихэ, Шухэ. Их берега укрепляются дамбами и лесами, они меняют свое направление, устремляются в новые русла. За три года на реках Китая было произведено в 23 раза больше земляных работ, чем на сооружении Суэцкого канала.

Пример, великий опыт Советского Союза помогают преобразователям природы в странах народной демократии. Советские экскаваторы — основные землеройные машины на канале Дунай — Черное море. Марки советских заводов — на землесосных снарядах и шагающих экскаваторах, бульдозерах и буровых станках, на тысячах машин, облегчающих и ускоряющих труд строителей гидроэлектростанций и каналов. Техническая помощь советских ученых позволила китайским инженерам отбросить прочь насажденные американцами консервативные представления о возможностях и сроках гидростроительства.

Величие деяний советского народа, успешно решающего благородную задачу подчинения стихии природы интересам общества, вдохновляет людей не только на освобожденной земле. Подвиг советского народа показывает простому человеку в странах капитала его будущее, озаряет его светом социализма. «Как счастливы вы, что у вас есть великий сталинский план преобразования природы! — воскликнул на XIX съезде КПСС генеральный секретарь ЦК компартии Австралии Л. Шарки.— Этот великолепный план — творение сталинского гения — показывает, как мы также должны в будущем преобразовать Австралийский континент».

Хищническая сущность отживающего свой век капитализма препятствует развитию производительных сил, прогрессу, ведет к оскудению земли и гибели лесов, наступлению песков пустыни и катастрофам наводнений. Ни одна из капиталистических стран не смогла до сих пор, да и никогда не сможет в силу господствующей там частной собственности на землю и средства производства, анархии и бесплановости подняться до комплексного использования природных ресурсов.

Из-за препятствий, чинимых капиталистическими монополиями США, десятилетиями срываются планы гидротехнического строительства на реках, а в дни наводнений бушующие волны обрушиваются на жителей бассейнов Миссури, Миссисипи и других рек. На полях США смывается или выдувается ежегодно значительная часть пахотного слоя. Эрозией опустошена или сильно истощена четвертая часть площади пастбищ и пашен. Этот бич земледельца свирепствует в сельскохозяйственных районах Австралии, Южной Африки, Латинской Америки. Подвижные пески наступают на людей в Северной Африке, Аравии и других странах.

...Пройдет несколько лет. Чудесная картина откроется взору повсюду, где свободно трудится человек. Белокаменными дворцами поднимутся над широкой равниной Волги Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции. Зацветут новые сады и нивы на орошенных землях Украины и Крыма, вспыхнут электрические созвездия в Кара-Кумах, отражаясь в водах Главного Туркменского канала, который пробудит от тысячелетнего сна мертвые края.

Яркая картина предстанет глазам человека и к западу и к востоку от советских рубежей. Легкокрылые теплоходы будут бороздить воды канала Дунай — Черное море, зашумят водопадами плотины, вознесенные на кручи Карпатских и Балканских гор. Древние долины Болгарии, просторы венгерских и польских равнин будут ласкать глаз невиданными здесь раньше сельскохозяйственными культурами. Воды Хуайхэ оросят поля, а лесные полосы, вытянувшиеся вдоль Великой Китайской стены, закроют бреши для песчаных бурь; мощные электростанции зальют светом города и села нового Китая.

Так будет! Так будет, ибо мы живем в великую сталинскую эпоху, ибо, как говорит великий вождь: **«Теперь, когда от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран,— теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее».**

ПОДГОТОВКА К ДЕКАДЕ

МИНСК (Наш корр.). В республике идет подготовка к декаде белорусской литературы и искусства в Москве.

Создается выставка, которая ознакомит москвичей с достижениями белорусской литературы. Республиканское издательство выпускает к декаде более 90 книг — романов, повестей, сборников стихов и рассказов, созданных в послевоенные годы белорусскими писателями, а также переведенные на белорусский язык книги писателей братских республик. Свыше 25 книг белорусских писателей выйдет на русском языке в издательствах Москвы и Ленинграда.

Разносторонний репертуар готовят белорусские театры. Во время декады в Москве откроется выставка изобразительного и народного творчества Белоруссии.

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТОРОВ КАЗАНИ

КАЗАНЬ. (Наш корр.). Состоявшееся здесь открытое партийное собрание писателей обсудило работу творческой секции поэтов. Партийное собрание отметило, что, несмотря на некоторые успехи, поэзия является одним из наиболее отстающих жанров татарской литературы. В печати появляется много серых, невыразительных стихов.

Выступавшие в прениях указывали, что уровень работы секции продолжает оставаться низким. На ее заседаниях не обсуждаются произведения отдельных поэтов и проблемы развития татарской советской поэзии. Слабо развернута критика и самокритика.

Партийное собрание отметило, что руководство секции все еще не приняло конкретных мер к перестройке своей работы в свете задач, поставленных перед советской литературой XIX съездом партии.

Писатель—борец за мир

Как известно, 27 января в Кремле председатель Комитета по международным Сталинским премиям Д. В. Скобельцын вручил международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами» выдающемуся советскому писателю, известному борцу за мир Илье Эренбургу. В Свердловском зале присутствовали видные советские и иностранные писатели, ученые, деятели искусства, представители профсоюзов, работники печати.

Отчет о церемонии вручения международной Сталинской премии и речь Ильи Эренбурга были напечатаны вчера в центральных газетах. Мы публикуем выдержки из речей советских писателей Николая Тихонова и Алексея Суркова и речей зарубежных писателей Луи Арагона (Франция), Анны Зегерс (Германская Демократическая Республика) и Хорхе Саламеа (Колумбия), приветствовавших лауреата — писателя.

— Движение народов в защиту мира достигло сейчас самого широкого размаха и продолжает неуклонно расширяться,— сказал **Николай Тихонов.**— Развитию этого движения немало способствовали выдающиеся деятели разных стран и народов. Их имена известны миллионам сторонников мира. Это имена, которые мы с гордостью читаем в списке лауреатов международных Сталинских премий мира. И среди борцов за мир, удостоенных высокой награды, мы с удовлетворением находим имя выдающегося советского деятеля Ильи Эренбурга, человека, неразрывно связанного с движением народов в защиту мира.

В далекие уже теперь дни Вроцлава, дни Парижского Конгресса мы видели Эренбурга среди зачинателей исторической борьбы. С тех пор он участвует в этой борьбе с неослабевающей энергией и ей отдает свои творческие силы.

— Страстный голос Эренбурга,— продолжает оратор,— народы слышали в Стокгольме и в Варшаве, в Нью-Йорке и в Пекине, в Хельсинки и совсем недавно на Конгрессе народов в Вене. В эти дни Эренбурга горячо приветствуют во всех странах, ибо везде его знают, как неутомимого борца за мир, и радуются тому, что он получил премию мира, носящую имя великого Сталина.

Борьба Эренбурга с врагами мира началась давно. Она началась еще тогда, когда он пером смелого журналиста описывал боевые будни героического Мадрида, когда он разоблачал поджигателей второй мировой войны, по следам которых идут ныне враги мира, враги народов.

Мы помним самоотверженную патриотическую работу Эренбурга во время священной войны советского народа против гитлеровской Германии, работу, заслужившую горячую признательность всех честных людей мира.

Выдающийся советский писатель Эренбург своим творчеством и деятельностью в пользу мира внес большой вклад в дело дружбы народов, вклад в развитие нашей социалистической культуры, которая является маяком прогресса для всех передовых сил мира во всем мире.

Эренбург не только бьет врагов мира своими острыми речами,— он жестоко поражает их и пером сатирика. Он выставляет на посмешище новых претендентов на мировое господство, их явных и тайных агентов, разоблачая поджигателей войны перед всеми честными трудовыми людьми, сторонниками мира и демократии.

В эти дни друзья мира сердечно приветствуют Илью Эренбурга и желают ему новых сил, новых творческих побед в неутомимой борьбе за дело мира! — заключает Николай Тихонов.

Алексей Сурков говорит, что Илья Эренбург является первым советским писателем, удостоенным высокой награды — международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами». В радостный и незабываемый день вручения И. Эренбургу этой премии его приветствуют все советские писатели, все его товарищи по оружию.

Илья Эренбург заслужил высокую награду своей большой и честной жизнью, своими подвигами человека, гражданина и писателя!

— Вручением Илье Эренбургу международной Сталинской премии подытожен путь, который начался не вчера,— говорит А. Сурков.— Из Мадрида, с опаленных артиллерийской грозой полей сражающейся республиканской Испании миллионы людей слышали сильный, гневный и призывный голос Ильи Эренбурга.

В Великую Отечественную войну Эренбург, как солдат великой армии, защищавшей прогресс и будущее человечества, от первого до последнего дня сражался с таким же воодушевлением, с каким сражались наши солдаты под Москвой, Ленинградом и Сталинградом.

Естественно, продолжает оратор, что Илья Эренбург, защищавший правое дело своим словом, своим пером в годы Великой Отечественной войны, после ее окончания стал одним из организаторов всемирного фронта борцов за мир. И мы горды тем, что Эренбург в числе лучших представителей советской литературы благородно и честно пронес от Вроцлава до недавнего Венского Конгресса веру в дело мира и демократии. Его книги, созданные за последнее десятилетие, сливаются с его деятельностью сторонника мира. Вся пламенная публицистика Эренбурга неразрывно связана с его борьбой в защиту мира, с его работой писателя.

С честностью солдата, защищавшего человечество от коричневой чумы фашизма, Илья Эренбург защищает святое дело мира, говорит в заключение Алексей Сурков.

— *Я говорю сегодня*,— заявил **Луи Арагон,**— от имени французского народа, в котором черпали свою творческую силу Мольер и Дидро, Бальзак и Виктор Гюго, Золя и Анри Барбюс. Это народ, который уничтожил Бастилию и, штурмуя небо, установил свою Коммуну; это народ, заставивший нашу землю гореть под ногами у немецко-фашистских оккупантов и предателей Виши и слушавший по вечерам сообщения о легендарных подвигах Красной Армии, черпая в них надежду и вдохновение; это народ, в чьем сердце имя Сталинграда; народ, о котором Морис Торез сказал, что он не будет, никогда не будет воевать против Советского Союза.

Никогда до Октября не бывало и не могло быть, чтобы то, что происходит в другой стране, встречало во французском народе столь глубокий отклик, какой находят события в жизни Советского Союза, великие идеи Ленина и Сталина, каждый успех социалистического строительства. Никогда народ Франции не следил с таким

Илья Эренбург

страстным вниманием за жизнью другого народа, никогда опыт другого народа не был для него и источником надежды и уроком.

Приветствуя в лице Ильи Эренбурга нового лауреата международной Сталинской премии, Луи Арагон говорит в заключение своего выступления, что эта награда на трудном пути борьбы за мир является самой высокой, ибо она носит имя человека, с которым народы всей земли связывают надежду на торжество дела мира; человека, каждое слово которого звучит на весь свет, как действие в защиту мира; человека, к которому взывают матери во имя жизни своих детей, во имя их будущего; человека, который, провозгласив возможность построения социализма в одной стране, привел советский народ к социализму; человека, который показал себя перед лицом чудовищнейшей военной машины великим полководцем, остановил эту машину, разбил ее и повел непобедимые советские войска в самое логово фашизма. Эта награда носит имя величайшего философа всех времен. Того, кто воспитывает человека и преобразует природу; того, кто провозгласил человека величайшей ценностью на земле; того, чье имя является самым прекрасным, самым близким и самым уважительным во всех странах для людей, борющихся за свое человеческое достоинство, за свою родину,— имя товарища Сталина.

— В суровое и величественное время войны советского народа против гитлеровского фашизма,— говорит, обращаясь к Илье Эренбургу **Анна Зегерс,**— Вы вместе со своими друзьями-писателями отдавали всю свою жизнь, все свои творческие способности освободительной борьбе. То, что Вы писали во время войны, было разящим оружием в борьбе за уничтожение нашего врага, гитлеровского фашизма.

С такой же страстью, с такой же непоколебимой твердостью отдаете Вы сейчас всю свою жизнь, все свои способности борьбе за мир. Вы, как и каждый человек, больше всего хотели бы после этих суровых лет спокойно жить и работать в условиях мира. Однако Вы снова неутомимо стоите на вахте с тех пор, как воспреемником гитлеровского фашизма стал американский империализм.

То, чем Вы жили, продолжает далее оратор, и то, что Вы написали, слилось для Вас в единое целое. Поэтому Вы можете выступать как писатель, защищая то, за что Вы сами вели борьбу в жизни.

Событиями войны рожден роман «Буря». «Это настоящая буря,— писала мне одна студентка из Парижа,— она бушевала в моей комнате, когда я читала эту книгу».

Роман «Девятый вал» вышел в свет в период между Варшавским и Венским конгрессами в защиту мира. Тому, кто читал эту книгу, казалось, будто луч прожектора осветил самые сокровенные мысли и чувства тех людей, которых писатель видел на трибунах конференций и во время дискуссий, во время поездок по улицам чужих городов и столиц. Эти люди могут быть простыми и скромными, как молодой рабочий из Западной Германии, или наглыми и коварными, как американский империалист.

Вы, Илья Эренбург, всегда были там, где люди боролись за свои права,— в Вене во время февральского восстания рабочих 1934 года, в Испании в годы гражданской войны.

Вы не были бы художником, если б в Вашем сердце и в Ваших книгах не было места для самых разных людей, с их борьбой и работой, с их любовью и ненавистью, с их заботами и радостями. Вас не оставляет равнодушным все, что волнует людей. Именно потому Вы пылаете ненавистью к поджигателям войны.

Чтобы и впредь расцветала жизнь, жизнь, дорогая всем нам с ее величественными достижениями и играми детей, с трудом и искусством, с великими стройками и цветами, Вы не знаете покоя, не знаете передышки в борьбе за сохранение людям мира.

Эта самоотверженность, эта неутомимая борьба является для нас выражением замечательных качеств советского человека.

Немецкий поэт Иоганнес Р. Бехер спрашивал в одном из своих стихотворений: «Вы, художники нашего времени, какому делу вы отдаете свою чудесную силу?» Вы, Илья Эренбург, можете с чистым сердцем ответить на этот вопрос: «Я отдаю ее делу борьбы за счастье людей, за мир»,— говорит в конце своей речи Анна Зегерс.

— *Я очень обрадован данной мне возможности представлять прогрессивных писателей Латинской Америки на торжественном вручении международной Сталинской премии одному из крупнейших советских писателей — Илье Эренбургу*,— говорит **Хорхе Саламеа.**

Творчество Ильи Эренбурга уже много лет вызывает восхищение тысяч читателей наших стран. Люди самых различных взглядов преклоняются перед его блестящим талантом художника, перед его смелостью правдивого обличителя. В творчестве Эренбурга соединяются критический ум и лирический энтузиазм. Его творчество — это творчество сатирика, разоблачающего зло гибнущего мира. И в то же время он — писатель, свидетельствующий о рождении нового, прекрасного мира. Многие латино-американские юноши знают наизусть пламенные строки его «Песни свободы».

Но любовь латино-американцев Эренбург завоевал не только своей эрудицией и писательским даром, а прежде всего тем, что всю свою деятельность он посвятил делу укрепления мира во всем мире.

Борьба за мир, подчеркивает оратор, жизненно важное дело для народов всех стран, и особенно для таких, как народы Латинской Америки. Для нас мир — обязательное условие, при котором мы сможем достигнуть полной независимости.

Вклад, внесенный Ильей Эренбургом в дело защиты мира, получил высокую оценку — премию, которая носит имя Сталина, самую высокую награду, какую может получить в наше время честный человек.

— Я хочу,— говорит в заключение Хорхе Саламеа,— пользуясь этим исключительным случаем, сказать, что все прогрессивные писатели Латинской Америки, преисполненные чувством благодарности к Эренбургу, восхищаются также творчеством тысяч советских писателей, которые в шестнадцати республиках Советской страны уже много лет создают некую литературу, дающую верные и благородные представления о жизни.

Книгообмен со странами народной демократии

Центральная научная библиотека Академии наук Казахской ССР получила из Китайской Народной Республики иллюстрированный альбом «Новый Китай», книги и ноты. В январе из Болгарии был получен переведенный на болгарский язык труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», сборник работ болгарских ученых по вопросам языкознания в свете трудов товарища И. В. Сталина. Из Венгрии поступили труды Академии наук Венгерской Народной Республики, из Румынии — научный вестник и другие издания.

Расширяющийся книгообмен между Академией наук Казахской ССР и научными учреждениями стран народной демократии — яркое свидетельство крепнущих связей между учеными этих стран и советскими деятелями науки.

В прошлом году Центральная научная библиотека Академии наук Казахской ССР получила от научных учреждений и библиотек Китая, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Албании около 600 научных трудов и периодических изданий. Академия наук Казахской ССР послала в страны народной демократии более 800 книг и брошюр. Начат книгообмен с научными учреждениями Германской Демократической Республики.

Международные отклики

«ГОНКА ПРОПАГАНДЫ» ПО РЕЦЕПТУ ГЭЛЛАПА

Нельзя сказать, чтобы правящие круги США уделяли мало внимания так называемой идеологической войне, которую они ведут против народов мира. Различные органы широко разветвленного пропагандистского аппарата США, начиная от пресловутого «Голоса Америки» и кончая «департаментом грязных дел», как именует Управление психологической стратегии сама американская печать, держат под обстрелом пропагандистских орудий крупного и мелкого калибра миллионы людей.

Однако результаты этого массированного пропагандистского наступления менее чем скромны. Иначе бы не появлялись на страницах газет и журналов, принадлежащих монополистам Уолл-стрита, весьма участившиеся за последнее время статьи, в которых откровенно признаются провалы этой преступной пропаганды. Очередная такая статья недавно появилась в журнале «Лук».

Мистер Джордж Гэллап, автор этой статьи, непосредственно не занимается распространением американской пропаганды: он «изучает» ее результаты. Будучи статистиком, он с 1935 года возглавляет так называемый «Институт общественного мнения», существующий, как сообщается в словаре Вебстера, «для определения того, как реагирует население на новости и рекламные объявления, и выявления общественного мнения по различным вопросам».

Ссылаясь на проводимые Гэллапом «анкеты» среди населения США, буржуазная печать в целях рекламы объявила его чуть ли не единственным человеком, который якобы постоянно «держит руку на пульсе» американского народа. В последние годы Гэллап к тому же вышел на международную арену и регулярно проводит свои «опросы» в зависимых от США странах. Публикуя отчеты своего института, Гэллап, как правило, фальсифицирует настроения общественности. Однако ему, разумеется, известно и подлинное отношение народов к американской пропаганде. Потому-то он и забил тревогу, указывая в своей статье, истерично озаглавленной «Сражение, которое мы проигрываем», на плачевные итоги американской пропаганды.

Народы не верят вашингтонским пропагандистам. Внешняя политика Советского Союза, направленная на упрочение мира во всем мире, завоевала доверие и признательность простых людей. Эти факты и выводят Джорджа Гэллапа из состояния душевного равновесия.

В чем же усматривает он «выход» из создавшегося положения? Гэллап призывает правящие круги США усилить кампанию антисоветской клеветы и как можно скорее дополнить гонку вооружения «гонкой пропаганды». Таков важнейший рецепт, выписанный Гэллапом.

Что же практически советует Гэллап правящим кругам США, чтобы, как он выражается, «добиться успехов в битве за настроения людей»?

Прежде всего, заявляет он, необходимо раздуть и без того баснословные ассигнования на пропаганду. Гэллап призывает господ бизнесменов не стесняться в расходах («каждый доллар, истраченный на идеологическую войну,— по его словам,— будет стоить десяти долларов, затраченных на обычные орудия войны») и даже называет точную цифру: пять миллиардов долларов в год.

Впрочем, увеличение ассигнований — это не все. Без всяких экивоков Гэллап предлагает американским пропагандистам перенять «методы» Геббельса и повторять навязываемые народам идеи «до тошноты». Другой «совет» Гэллапа заключается в том, чтобы шире и полнее использовать американскую пропагандистско-подрывную агентуру в других странах. Он пишет: «Нам нужны агенты, сторонники и друзья среди коренных жителей страны, работающие для нашего дела во всех странах, где мы надеемся и где нам нужно пропагандировать наши идеи».

Появление статьи Джорджа Гэллапа весьма симптоматично. Миллионы простых людей, активно включившихся в борьбу за мир, уже раскусили политику заправил США, поставивших своей целью закабаление народов и развязывание новой мировой войны. По признанию самого Гэллапа, они убедились в том, что «коммунисты стоят за мир, а мы являемся поджигателями войны». Американским империалистам явно не удается представить в розовом свете на международной арене свои «дела», которые лучше всего характеризуются интервенцией в Корее.

Поэтому Гэллап и призывает коллег-пропагандистов объединенными усилиями добиться такого положения, «чтобы все люди на земном шаре признали эти дела хорошими». Что можно сказать об этом? Тщетная затея!

ЛИТЕРАТОР

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* **26 научно-врачебных обществ.** В районном центре Хаапсалу начало работать научно-врачебное общество — 26-е по счету в Эстонии. Общества ведут исследовательскую работу в различных областях медицины, популяризируют научно-медицинские знания среди населения, оказывают помощь органам здравоохранения.

* **Колхозные гидростанции на Кубани.** В Отрадненском районе на Кубани закончено сооружение межколхозной ГЭС мощностью 1.200 киловатт. Колхозы строят несколько гидростанций мощностью от 300 до 480 киловатт. Мощность всех колхозных электростанций Кубани равна примерно 10.000 киловатт, к концу новой пятилетки она удвоится.

* **25-летие самодеятельного театра.** 25 лет существует самодеятельный рабочий театр Металлургического завода имени Дзержинского (Днепродзержинск). За эти годы коллектив показал около ста пьес. Некоторые кружковцы вышли на широкую сценическую дорогу, стали профессиональными актерами.

* **Выставка народного творчества.** В Вильнюсе открылась республиканская выставка литовского народного творчества, на которой показано около 1.500 экспонатов: национальные ткани, произведения живописи, художественная вышивка, изделия из янтаря, резьба по дереву, скульптура.

* **Шахматный чемпионат в Тахиа-Таше.** Закончился турнир лучших шахматистов строительного района Главного Туркменского канала, состоявшийся в Тахиа-Таше. Выиграл первенство водитель самосвала Д. Енин. Сейчас идут отборочные соревнования для предстоящего шахматного турнира строителей Главного Туркменского канала.

КАМЕНЬ

Мих. СКОРОХОДОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Мы сошли с поезда на перегоне Лихая—Цимла, ближе к Цимлянскому морю, почти на границе двух областей — Ростовской и Сталинградской. Первое, что мы увидели, — это составы думпкаров, цельнометаллических самоопрокидывающихся платформ, наполненных щебнем. На думпкарах были надписи мелом — «Сталинградгидрострой». Кое-где под свежими надписями проступали пожелтевшие: «Волго-Дон». Составы прибыли по железнодорожной ветке из Жирновского камнедробильного карьера.

Грузовой «ЗИС», битком набитый пассажирами — рабочими и служащими карьера, покатил нас со станции по подъемам и спускам овражистой местности, но, проехав километра два, вдруг застопорил ход. Девушка в тулупчике, туго схватывавшем ее талию, и с красным флажком в руке крикнула шоферу:

— Тише. Где поедешь?

— Ясно, низом, если ты тут!

— Когда в карьере камень рвут, то у нас — просто как извержение Везувия. Может так хлопнуть... — один из пассажиров, веселый паренек, угадав во мне приезжего, начал рассказ о каменном карьере. Его сосед, пожилой мужчина, на вид служащий, укоризненно покачал головой, когда я, поддерживая разговор с пареньком, назвал карьер каменоломней.

— Не каменоломня, а горнодобывающее предприятие, — строго поправил он.

Уже позднее, добравшись до управления и разговаривая с начальником района, я понял, какую нанес обиду своему спутнику по автобусу, назвав Жирновский карьер каменоломней.

— У многих — вот хотя бы и у вас, — о каменоломах запечатлелось старое представление, возникшее от виденных когда-то картин или вычитанного в старых романах, — говорил мне начальник района Иван Иванович Думанецкий. — Каменоломы? В самом деле, что же это такое, Александр Григорьевич? — обратился он к сидевшему у него в кабинете человеку в брезентовой спецовке. — Это, очевидно, полуголые изможденные люди на уступах скалы... Руки в ссадинах, в руках кувалды, клинья, ломы... Под их руками камень — символ всего неживого, давящего...

— А у нашего камушка судьба веселее! Лег он дном Волго-Дона, бежит по нему вода. Видите, какое дело! — человек, которого звали Александром Григорьевичем, с удовольствием вступил в разговор. Когда же он через некоторое время вышел из кабинета, Думанецкий сказал, кивнув ему вслед:

— Вот вам каменолом — знатный экскаваторщик Ростовской области Погорецкий... И остальных увидите.

Мы вышли из управления. В поселке стоял гул, как на аэродроме от прибывающих и уходящих в полет самолетов: мимо пробегали, сохраняя равные интервалы, многотонные самосвалы; по накатанной, выметенной степным ветром дороге они поднимались к щебеночным заводам.

Вот и сам карьер. Здесь из горных кряжей Ростовщины были вынуты для великой стройки миллионы кубометров камня.

Зимнее солнце освещает желтые отвалы земли, беловато-коричневый и серый камень, меднокрасные глины. Массивы высвобождены из-под земли, обнажены и чем-то напоминают рифы после морского отлива.

Шаг за шагом, знакомясь с фронтом работ Жирновского каменного карьера, рожденного великой стройкой, начинаешь замечать черты, роднящие его с ней. Эти черты узнаешь, всматриваясь в работу экскаваторщиков, бурильщиков, мотористов... Вот какие специальности у каменоломов теперь! Да и собственно каменоломами их уже не назовешь. С такими специальностями можно работать везде и всюду в нашей стране: в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, на суше и на море, в городе и деревне, на далекой окраине и в столице! Камень, который добывают здесь люди, не носит на себе следы ударов кайла, выбоин от стальных клиньев.

А ведь было иначе. Вот что рассказывает Михаил Афанасьевич Бабаков, человек еще совсем не старый, крепкий, в прошлом каменолом с молотком и клином в руках, а теперь начальник одного из карьеров:

— Двадцатилетним парнем меня осмотрели старые каменоломы. И лучше твоей врачебной комиссии. В бригаду взяли охотно: крепок в кости, широк в плечах... А сейчас, когда ко мне приходит новый рабочий, я прежде всего спрашиваю: грамотен ли? Какая специальность? И если профессии нет, то за месяц обучу работать... А как сам прежде работал: пробьешь дырку в камне на метр в глубину, подорвешь один лишь верхний пласт, а потом начинаешь лупить со всего маха молотком по глыбам. Свинорой, словом.

Я побывал в «свинорое». Неподалеку от Жирнова такая нора еще осталась. Она напоминает о прошлом. Выхваченные (по принципу: «где полегче поддалось») пласты известняка, никаких подъездных путей, захламленность разработок песчаником и землей и оставшийся нетронутым основной массив — вот что такое «свинорой».

— А щебень? — спросил я. — Как же дробили камень на щебень?

— Щебень? — переспрашивает Михаил Афанасьевич. — А на него раньше-то и спрос небольшой был... Молотками дробили. Вот так, берешь каждый камушек — и молотком! Если бы его таким способом Волго-Дону давать — столетия бы не хватило!

Советская власть произвела революцию в труде каменолома. Великая стройка коммунизма зачеркнула даже самое название «каменолом», как зачеркнули наши стройки «грабаря», сделав его экскаваторщиком, шофером, энергетиком.

Ни в одной капиталистической стране не найдешь каменного карьера, подобного оснащенному мощной техникой Жирновскому горнодобывающему предприятию. Это вовсе не потому, что у капиталистов нет техники. Она у них есть. Но им невыгодно ею пользоваться, если есть масса дешевых рабочих рук с молотками и стальными клиньями.

* * *

— Работает Александр Григорьевич Погорецкий, — говорит Бабаков, показывая на взгорье, туда, где движется стрела экскаватора и с мягким шумом высыпается из ковша земля.

И я вспоминаю человека, с которым встретился в кабинете начальника района. Знатный экскаваторщик каменного карьера сказал тогда, что теперь у камня особая судьба, не так уж камень мертв, если по нему бежит вода, орошающая степи. Экскаваторщик Погорецкий может себя считать участником строительства Волго-Дона, Сталинградской и Куйбышевской ГЭС. Везде — его камень.

В Жирнове таких людей много. Как уже говорилось, каменолом перестал быть рабочим третьего разряда. Теперь, если он вскрывает горный массив или работает в забое, то он экскаваторщик; если поставлен на зачистку высвобожденного массива, он бульдозерист; если на бурении, — то машинист электрического станка канатно-ударного бурения; если транспортирует породу на дробильные заводы, — классный шофер мощного автосамосвала. А на двух заводах, дробящих горную массу в щебень, — он моторист, слесарь, лаборант. Комплексная механизация добычи камня и выработки щебня коренным образом изменила характер ранее изнурительного, стоявшего по своей технологии на самой низкой ступени труда добытчика камня.

В каменном карьере, в поселке, где есть все, что положено иметь благоустроенному городку, в управлении, на заводах идет учеба. Еще недостаточно кадров в промышленности нерудных материалов. Присылаемые специалисты порой совсем не подготовлены к тому, что им приходится здесь увидеть: новейшие механизмы, строго координированное управление заводом, блокировку, автоматизацию. Приходится учиться и рабочему-новичку без специальности, и горному технику, только что вышедшему из аудитории учебного заведения. Так стал экскаваторщиком Петр Дроненко, а Федор Скисов — бурильщиком на станке, а бурильщик Юрий Винокуров — механиком станков. А Леонид Волков поучился у Винокурова и стал лучшим мастером станка канатно-ударного бурения.

Есть замечательные примеры содружества людей забоя и горных инженеров, водителей сверхмощных двадцатипятитонных самосвалов «МАЗ-525» и конструкторов этих самосвалов.

Мы познакомились с двумя шоферами — А. Бушевым и Е. Карпенко. Они перевезли для великой стройки на щебеночные заводы до миллиона тонн камня. Эти стахановцы-шоферы активно участвуют в усовершенствовании сверхмощных автосамосвалов.

Когда разговор заходит о том, где и кто учил их сложному управлению «МАЗ-525», то выясняются интересные обстоятельства: их учили минчане — сам главный конструктор машины и его заместитель. Они приезжали в Жирновский карьер вместе со своими первыми гигантами-автосамосвалами, на которых стояли номера 2 и 3.

Конструкторы и подготовили Бушева и Карпенко к вождению этих машин, научили пытливо и внимательно относиться к каждой детали самосвала.

Рассказывая об этом, Александр Бушев достал из кармана ватника аккуратно сложенную бумажку: бухгалтерский листок на получение премиальных сумм за рационализаторское предложение по «МАЗ-525».

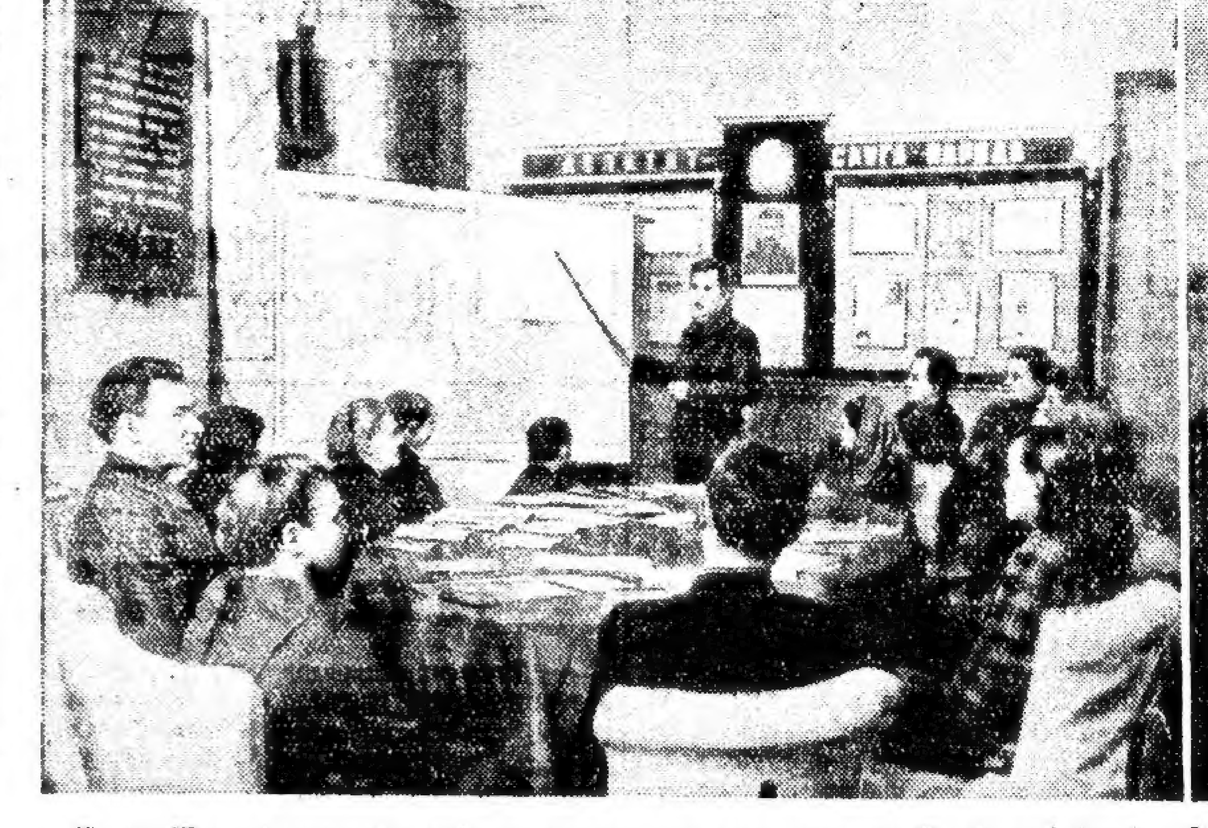
— Вот, — сказал он, — вчера получил вознаграждение. Предложил поставить в автомашине два дополнительных бачка для сохранения масла от потерь... А это — письмо главного конструктора. Поздравляет...

Как и экскаваторщики, и бурильщики, и энергетики, Бушев и Карпенко обросли своими «производственными семьями». Не одного шофера приохотили они к чудесной машине — двадцатипятитонному «МАЗ», многих водителей научили они, как ставить машину под трехкубовый ковш «Уральца», чтобы массивный бутак весом в несколько тонн не разбил кузова.

...Вечером, когда в поселке зажглись электрические огни, утих гул самосвалов. Это означало, что в каменных отрогах бурильные станки заготовили скважины и взрывщики заложили взрывчатку... Раздаются один за другим грохочущие взрывы. Огромный ломоть известняка отделяется от обрыва карьера, оседает и валится «в ноги» экскаватору. А тот, выбрав себе место поудобнее, уже гребет породу могучим ковшом. Минута, полторы, и «МАЗ», взревев, мчится к заводу с кузовом, полным камня.

И снова над поселком, над карьером, стиснутым отвесными скалами, возникает гул, как на аэродроме. А вдали — дымок паровоза, уводящего состав со щебнем Сталинградгидрострою...

ЖИРНОВ, Ростовская область

Приближаются выборы в местные Советы депутатов трудящихся. И чем ближе дни выборов, тем более оживленно и многолюдно становится по вечерам в агитпунктах и клубах. Избиратели участвуют здесь в беседах, слушают лекции, присутствуют на концертах и вечерах художественной самодеятельности, смотрят кинофильмы. Деятельно работают в эти дни наши агитаторы — они разъясняют права и обязанности граждан, записанные в Сталинской Конституции, Положение о выборах, рассказывают об исторических решениях XIX съезда партии, о международном и внутреннем положении. Многие агитаторы — частые гости на квартирах избирателей. **На снимке слева:** агитпункт 4-го и 5-го избирательных участков Ипподромского района Новосибирска. Научный сотрудник В. Самочкин читает лекцию о перспективах использования сибирских рек. **На снимке справа:** агитатор К. Халбаев (колхоз «Улан-Эрхирик» Заиграевского аймака Бурят-Монгольской АССР) пришел на дом к колхознику Галсанову и беседует с ним и с его родными.

Фото В. ЛЕЩИНСКОГО и М. МИНЕЕВА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Черепашьи темпы испытаний новой машины

На строительстве самотечного канала Волга — Урал испытывается сейчас новая советская землеройная машина «Д-264».

При очень высокой производительности она проста в устройстве и в управлении и коренным образом отличается от существующих землеройных механизмов. Уже первые испытания показали, что новая машина в суровых условиях зимы вынимает за час от тысячи до двух тысяч кубометров промерзшего грунта.

Новая машина, в отличие от экскаватора, не имеет ни громоздкого корпуса, ни сложного электрического хозяйства, ни тяжелого ковша, ни гидравлики для шагания. Принцип работы ее весьма прост. Гигантский стальной нож шириною в три метра срезает землю, которая по ленте транспортера уносится вверх, а затем через бункер попадает на ленту второго транспортера и отбрасывается в сторону на 40 метров.

В благоприятных условиях — в однородном грунте, обеспечивающем хорошее сцепление с ним гусениц тракторов, на равнинной местности и при низком уровне грунтовых вод — эта машина по своей эффективности превосходит экскаваторы и скреперы.

Я с гордостью пишу об этом, потому что «Д-264» был создан на родном для меня заводе дорожных машин в городе Осипенко. Преодолевая трудности, работали конструкторы, инженеры, мастера, рабочие, не считались ни с временем, ни с силами. Завод изготовил новую землеройную машину досрочно. Железнодорожники приложили все усилия к тому, чтобы быстрее доставить опытный образец к месту испытания. Посланцы завода, поехавшие вместе с машиной, значительно раньше положенного срока собрали ее. В начале декабря прошлого года приступили к испытаниям.

И тут началось то, чего никто из нас никак не мог ожидать. Мы стали часто простаивать из-за отсутствия машинного масла, топлива для дизелей и других необходимых для испытаний материалов.

Всем этим должны обеспечивать нас работники «Сталинградгидростроя», в частности начальник Управления механизации тов. П. Юдин. Но получается так, что они вроде как и не заинтересованы в успешном и быстром окончании испытаний, словно новая совершенная техника их совсем и не интересует. Иначе не объяснишь, почему не создано самых элементарных условий для испытания новой важной машины. Работы ведутся в 18 километрах от поселка, в степи. Подвоз рабочих организован так, что мы попадаем на участок не раньше 10—11 часов утра, а вынуждены уезжать уже в 5 часов вечера. Все наши просьбы доставлять нас к месту работы к 7 часам утра ни к чему не привели. Пока все остается по-старому. Из-за этого машина вместо положенных 250 часов испытания прошла всего лишь 18. Создается опасность, что наша работа затянется на много месяцев.

Нужно сказать, что мы не одиноки: так же мучительно и в тех же «условиях» испытывают новый 15-кубовый скрепер представители Челябинского завода.

Мы понимаем, что у руководителей строительства Сталинградской ГЭС много забот и без нас. Но все-таки, можно ли так относиться к созданию новых высокопроизводительных машин, которые помогут самим же строителям быстрее осуществить намеченные планы великой стройки?

Нам кажется, что нельзя.

Л. ЛАНСКИЙ,
заместитель начальника цеха Осипенковского завода дорожных машин

Семинар начинающих писателей

УЛАН-УДЭ. (Наш корр.). Союз советских писателей Бурят-Монгольской АССР совместно с областным комитетом комсомола провел семинар молодых писателей, в котором участвовали 45 человек. На семинаре был заслушан доклад о состоянии бурят-монгольской советской литературы и задачах молодых писателей.

Молодые авторы предъявили серьезные претензии к Союзу писателей республики. Посылая свои произведения в союз, они не всегда получают дельный совет и квалифицированную помощь.

Для участников семинара прочитана лекция о работе товарища И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

На семинаре обсуждались некоторые произведения молодых авторов.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИГРАФИИ»

Почему Министерство машиностроения и приборостроения СССР отстает с выпуском полиграфических машин? Почему его предприятия, производящие типографское оборудование, нередко работают с оглядкой на вчерашний день? Почему министерство не создало нормальных условий для работы научно-исследовательского института полиграфического машиностроения? Эти вопросы были поставлены в статье «Нерешенные вопросы развития полиграфии», опубликованной в «Литературной газете» 26 января 1952 года. По поводу этой статьи заместитель министра машиностроения и приборостроения СССР тов. Н. Смелов сообщил редакции:

«Во исполнение указаний правительства нашим министерством предусмотрен серийный выпуск в 1952 г. 80 наименований полиграфических машин. Намечено проектирование и изготовление в 1952 г. 30 опытных образцов полиграфических машин, в число которых входит текстовая книжно-журнальная офсетная машина, книжная ротационная иллюстрационная машина, фальцкассетная машина, тигельный печатный автомат, машина для крытья книг обложкой и другие.

Министерством предусмотрена в 1952—1953 гг. организация серийного производства новых типов полиграфических машин для оснащения вновь строящихся полиграфических комбинатов и реконструируемых предприятий Главполиграфиздата, а также для типографий «Правда» и «Известия».

Намечено расширить Научно-исследовательский институт полиграфического машиностроения, чтобы провести важнейшие научно-исследовательские работы в области полиграфического машиностроения.

Министерство намерено также расширить и реконструировать Харьковский, Одесский, Щербаковский, Ромненский, Шадринский и Ейский заводы, в результате чего выпуск полиграфического оборудования должен возрасти к концу 1955 г. в 2,2 раза по сравнению с 1950 годом.

Кроме того проводятся работы по дальнейшему расширению специального конструкторского бюро полиграфического машиностроения и его специализация на проектировании новых совершенных полиграфических машин».

Таков запоздалый ответ заместителя министра тов. Н. Смелова. Полбеды еще, что откликнулся он на критику лишь после напоминаний и по прошествии чуть ли не года. Хуже, что тов. Смелов воздержался от каких-либо разъяснений того, как выполняет министерство свои обязательства.

Разъяснения эти можно получить из другого документа, подписанного тоже заместителем министра машиностроения и приборостроения СССР, но не тов. Н. Смеловым, а тов. К. Брицко. Второй документ, увидевший свет через две недели после первого (3.XII—1952 г.), досказывает то, о чем умолчал тов. Н. Смелов. Видимо, более точное изложение существа этого дела в письме тов. К. Брицко объясняется тем, что оно предназначено для «внутреннего употребления» и адресовано Главполиграфиздату, а не для печати.

Тов. Н. Смелов утверждал, что заводами министерства в 1952 году предусмотрен выпуск 80 наименований полиграфических машин.

Тов. К. Брицко вносит поправку и сообщает, что Главполиграфиздат должен был получить всего лишь 61 наименование требуемого оборудования, пять из которых не изготовлено вовсе, а 14 будут поставлены не полностью.

Тов. Н. Смелов утверждал, что в 1952 году будут разработаны проекты и изготовлены опытные образцы 30 новых полиграфических машин.

Из сообщения тов. К. Брицко следует, что заводы министерства сделали всего лишь... 3 опытных образца.

Сведения явно противоречивые! Кто же все-таки прав? Редакция ознакомилась с графиком выпуска полиграфических машин за 1952 год. Официальные и точные данные говорят, что прав тов. К. Брицко.

Что же касается ответа тов. Н. Смелова, то его следует расценивать как явную отписку. Думаем, что коллегия министерства будет иметь по этому поводу специальное суждение.

«НАМ ДОРОГО ИМЯ ЮЛЮСА ЯНОНИСА»

Под таким заголовком в «Литературной газете» № 118 за 1952 год было помещено письмо читателя И. Касперайтиса из Каунаса. Автор письма выражал недоумение по поводу того, что бумажная фабрика в Петрашунай (пригород Каунаса), носившая имя первого пролетарского поэта литовского народа — Юлюса Янониса, называется в ряде официальных документов «Бумажная фабрика Петрушаны». Произошло это из-за простой описки, допущенной в одном из перечней предприятий, и с тех пор было «узаконено».

Как сообщил редакции начальник Главзапбумпрома тов. Я. Балмасов, сейчас на основании указания правительства бумажная фабрика в Петрашунай будет, как и прежде, называться именем Юлюса Янониса.

«СНОВА О САДАХ АШХАБАДА»

Так называлось письмо читателя Б. Лебедева, опубликованное в № 92 «Литературной газеты» за 1952 год. В письме критиковался председатель исполкома Ашхабадского горсовета тов. Мурадов за равнодушие к охране зеленых насаждений.

Исполком Ашхабадского городского Совета депутатов трудящихся обсудил это выступление газеты и сообщил редакции, что критика признана правильной. В настоящее время приняты меры к устранению имеющихся недостатков и организована охрана ценных зеленых насаждений города.

Георгий МАРКОВ

Разведчики молодых талантов

Заметки редактора литературного альманаха

Четвертый день в Москве продолжает свою работу Всесоюзное совещание редакторов русских литературно-художественных альманахов, выходящих в областях, краях и республиках страны.

В зале Центрального Дома литераторов, где происходит это совещание, организована выставка русских альманахов. Внешне эта выставка выглядит более чем скромно. Прямо надо сказать, что в полиграфическом отношении многие альманахи оформляются пока что серо, скучно, без выдумки. Но ни один человек, думающий о судьбе родной советской литературы, не пройдет равнодушным мимо стендов этой выставки. Она дает представление о широте литературного процесса в нашей стране, о поднявшемся культурном уровне нашего народа и, самое главное, о тех могучих резервах, которые есть у советской литературы. У стендов выставки нельзя не вспомнить то, о чем не раз говорил основоположник советской литературы А. М. Горький. Великий писатель мечтал сделать всю страну полем наблюдения литераторов. Он многократно и настойчиво указывал на необходимость правдиво, полно, ярко воспроизвести в книгах всю гигантскую картину созидательного труда советского народа.

На выставке представлено около 70 альманахов. И это альманахи, издающиеся только на русском языке. А ведь десятки таких сборников выпускаются в союзных и автономных республиках на языках народов СССР. Поражает и радует размах литературного движения, принявшего в нашей стране поистине необъятные масштабы. Вот на стенде альманах «Советское Приморье». Он издается во Владивостоке. А вот сборник, издающийся в Калининграде. Между этими крупными хозяйственными и культурными центрами Советской страны расстояние свыше десяти тысяч километров! Это не просто расстояние, а земля, обжитая и освоенная нашими людьми, преобразуемая ими по гениальному плану великого Сталина ради невиданного расцвета человеческого счастья. И как же радостно сознавать, что на этих просторах, охваченных творческим созиданием, всюду трудятся советские писатели, призванные изобразить в своих произведениях нашего современника — строителя коммунизма!

Альманахи выдвинули уже немало писателей, чьи произведения помогают нашему народу в его борьбе. Но то, что сделали альманахи, — это лишь первый шаг. На совещании прозвучало немало резких и справедливых слов относительно серости, вялости, скуки, а порой и халтурности многих произведений, проникших на страницы альманахов. Честная, прямая критика поможет улучшить качество альманахов, поднять их идейно-художественный уровень.

Особенно велики задачи альманахов в выявлении и воспитании молодых писателей. Альманах, который не выдвигает новых имен, не открывает новых дарований, не расширяет круга авторского актива, неизбежно обречен на захирение, как обречено на засыхание дерево, вырванное из земли. Каким же высоким должно быть чувство ответственности у редколлегии альманаха, когда она решает вопрос о судьбе сочинения молодого писателя! Ведь альманах, публикуя на своих страницах произведение человека, решившего стать на трудный и почетный путь писателя, дает ему путевку в литературу. Сколько же нужно проявить в этом деле чуткости, осторожности и прозорливости!

Семьдесят три автора выдвинул иркутский альманах «Новая Сибирь» за годы своего существования. Часть этих авторов — ныне известные писатели. Но следует признать, что не всегда мы поступали правильно. К сожалению, нередко воспитание молодых писателей сводится к «дотягиванию» сырых, незрелых произведений. Нередко редакторы фактически пишут за молодого автора, что никак не способствует воспитанию у молодых товарищей вкуса к литературной работе, писательского трудолюбия. Думается, что такая работа с молодыми авторами упрощает сложную проблему воспитания новых кадров советской литературы.

Овладение художественным мастерством немыслимо без воспитания у молодого писателя коммунистической сознательности, идейной страстности, честности, трудолюбия. Приходится признать, что среди молодых писателей (да и не только среди молодых) есть еще такие люди, у которых слова расходятся с делом, моральный облик героя произведения расходится с поведением автора и его отношением к писательскому труду. Только слабостью идейного воспитания можно объяснить эти факты. Мы допускаем серьезную ошибку, когда, помогая приобрести навыки литературного умения, не обращаем внимания на образ жизни наших молодых товарищей, на уровень их теоретического образования.

Слабость многих редакций альманахов состоит в том, что они не ищут одаренных людей. В таких редакциях существует убеждение, что молодой писатель сам придет к ним. Однако не всегда бывает так. Часто, к сожалению, в редакцию идут не самые одаренные.

Среди рукописей, поступающих в редакции альманахов, попадается немало таких, которые написаны людьми, лишенными способностей к литературному труду. Задача редакций — не вводить в заблуждение подобных авторов, прямо и честно сказать им об этом. Но встречаются и такие рукописи, в которых за литературной неопытностью можно усмотреть дарование авторов. К труду таких людей мы обязаны отнестись со всей внимательностью.

Редколлегии альманахов должны искать авторов и в среде читателей. У нас в Иркутске произошел характерный случай. Опытные писатели обратили внимание на то, что тов. Балябин, бывший председатель пограничного сельсовета, живо и увлекательно рассказывает о жизни забайкальского крестьянства в первые годы советской власти. Писатели рекомендовали тов. Балябину попробовать писать. Пользуясь советами писателей и их критикой, В. Балябин написал роман «Голубая Аргунь» — книгу, конечно, неровную в художественном отношении, но талантливую и нужную. Роман издан уже дважды: в Иркутске и Чите.

Огромной внимательности и чуткости требует читка рукописей, приходящих в альманахи и отделения Союза писателей на консультацию. Однажды мы получили пакет с двумя главами из неоконченного произведения. Главы давали полное основание ответить автору, что писать он еще не умеет, и на этом окончить переписку. Но мы завязали переписку с автором и узнали, что он — директор кожевенного завода и решил написать книгу о жизни коллектива рабочих, инженеров далекой Якутии. В течение двух лет кропотливо работали с автором. Автор заметно рос от варианта к варианту своего произведения. Так возник роман Ф. Таурина «К одной цели». Этот роман издан в Иркутске и Якутске, готовится к изданию в Москве. Его автор принят в члены Союза советских писателей. Еще один пример. К нам поступила рукопись Раисы Белоглазовой. Присланные ею сказки и рассказы художественно были слабы. Но по рукописи угадывалось, что автор — человек способный. Мы заинтересовались Раисой Белоглазовой. Оказалось, что у нее вчерне написана повесть о молодежи — «Целеустремленность», которой она сама придавала меньше значения, чем присланным рассказам и сказкам. Ознакомление с замыслом повести показало, что эта рукопись может вырасти в интересное, содержательное произведение. Около двух лет работала комсомолка Р. Белоглазова над своей повестью. В 1953 году альманах «Новая Сибирь» опубликует это произведение.

Воспитание молодого писателя зачастую простирается за пределы вопросов чисто литературных. В Иркутске живет молодой поэт Леонид Кокоулин. Он пришел в город из глухого таежного района. Детство и юность он провел в тайге с отцом-охотником, но тяга к поэзии настолько была велика, что он покинул тайгу, приехал в город, где ранее Кокоулину бывать не приходилось. Он знал, что книги печатаются в типографии, и первым делом направился туда... Мы прочли стихи Кокоулина — они отличались искренностью; было видно, что автор стихов — человек способный, но недостаточно грамотный. Когда мы узнали о жизненном пути Кокоулина, то коллективно решили, что поспешность с опубликованием стихов будет вредна. Мы посоветовали Кокоулину пойти работать на завод и одновременно поступить в школу рабочей молодежи. Прошло три года. Кокоулин ныне знатный кузнец-стахановец. Он усиленно учится в школе. Всего лишь два месяца тому назад были опубликованы первые произведения молодого поэта, хорошо принятые читателем. У Кокоулина появилась очень важная черта: трезвое и требовательное отношение к своей творческой работе. А это прежде всего необходимо воспитывать у нашей литературной молодежи.

Среди новых имен, открытых альманахами, немало так называемых «бывалых» людей. «Бывалые» люди принесли в литературу ряд ценных произведений, обогативших ее идейно и художественно. Некоторые из них стали профессиональными литераторами. Но приходится отметить, что поиски «бывалых» людей у нас страдают порой вредной однобокостью. Мы ищем таких авторов только среди людей почтенного возраста. Но разве двадцатипятилетний инженер, участник строительства социалистического города в далекой тайге, не является «бывалым» человеком? И молодой геолог, открывший стране новые месторождения ценных ископаемых, и молодой летчик, проложивший новую воздушную трассу, и молодой агроном, и молодой рабочий, внесшие свою долю творческого труда в общенародное дело, — все они, при наличии литературных способностей и при внимательном к ним отношении, могут пополнять собою ряды авторского актива наших альманахов.

Думается, что альманахи сделали бы большое и нужное дело, если бы принялись искать литературно одаренных людей именно в этом, если можно так выразиться, двадцати-двадцатипятилетнем слое нашего народа. Ведь нечего греха таить — часто мы при подходе к молодому автору пользуемся неверным и давно устаревшим принципом житейской опытности. А житейская опытность не равнозначна художественной одаренности. Наша отечественная литература имеет сотни ярких примеров, когда молодые люди дали выдающиеся по своей идейно-художественной силе произведения. Достаточно вспомнить здесь двадцатипятилетнего Александра Фадеева, подарившего стране замечательный роман «Разгром», или двадцатитрехлетнего Михаила Шолохова, покорившего читателей первой книгой «Тихого Дона».

Альманахи — это боевые разведчики нашей советской литературы. От них требуется больше находчивости, зоркости, настойчивости и взыскательности к себе. Увы, всех этих качеств еще не хватает редакциям наших альманахов. Но умение — дело наживное, и оно придет, если захотеть этого по-настоящему, как умеют хотеть наши советские люди.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В. В. МАЯКОВСКОГО

*Совещание в Союзе советских писателей СССР**

А. Дымшиц (Ленинград) осуждает пережитки групповщины, давшие себя знать на совещании в ряде выступлений.

— Речь С. Трегуба, — говорит он, — произвела на меня удручающее впечатление. Трегуб в свое время принес известную пользу пропаганде творчества Маяковского, но при этом допустил и ряд серьезных ошибок. Ему на них указали, вначале очень мягко, потом резко, но он не сделал из этого для себя никаких выводов. Он остался на вредных, по сути дела, формалистических позициях противопоставления выдуманной им школки поэтов — всей советской поэзии.

К сожалению, на той же позиции стоит и А. Колосков, который не произнес здесь ни одного самокритического слова, хотя его книга о Маяковском страдает ошибками, сходными с ошибками С. Трегуба. Неправильно также, что в выступлении В. Катаняна не было самокритики по поводу серьезных ошибок в комментариях к собранию сочинений Маяковского.

А. Дымшиц останавливается затем на работе Б. Ростоцкого о драматургии Маяковского. Книга Б. Ростоцкого, по мнению оратора, хороша тем, что она показывает реалистическую, антиформалистическую природу пьес Маяковского. Необходимо, считает А. Дымшиц, чтобы автор шире показал формы сатирической типизации в пьесах Маяковского, конкретнее и глубже проследил традицию Маяковского в советской драматургии и кинодраматургии (например, у Вс. Вишневского), а также подробнее остановился на языке Маяковского-драматурга, как средстве типизации. Это очень важно для того, чтобы подчеркнуть, что театр Маяковского — театр сатирических характеров, а не сатирических масок, как утверждали формалисты.

Далее А. Дымшиц говорит о том, что Маяковский вслед за Горьким оказал огромное воздействие на развитие всей зарубежной литературы. Это воздействие поразному сказывается в разных странах — в зависимости от исторических условий и национальных традиций. Изучить конкретно, в условиях каждой данной литературы, этот процесс — благородная задача нашего литературоведения.

В этой связи А. Дымшиц положительно оценивает книгу Л. Фейгельман «Маяковский в странах народной демократии», характеризуя рецензию Злыднева и Никольского на эту работу в журнале «Советская книга», как заушательскую.

А. Абрамов (Воронеж) посвятил свое выступление вопросу о стихе Маяковского. Он разбирает статью В. Назаренко в «Звезде», не соглашаясь с тем, что выводить стих Маяковского из пределов силлабо-тонической системы—значит будто бы, отрывать творчество поэта от русской классической традиции.

А. Абрамов не согласен с тем, что русский язык явился почвой для одного только силлабо-тонического стихосложения. Русская поэзия знала силлабический стих и знает особый стих, который мы видим в произведениях народной поэзии. Стих Маяковского, который он сам называл свободным, безусловно, восходит к народному.

Далее А. Абрамов высказывает ряд соображений о том, является ли стих формой поэтического произведения. Он считает, что ясность в этом, казалось бы сугубо «академическом» вопросе тем более необходима, что некоторые критики, например С. Трегуб, говоря о стихе Маяковского, определяют пушкинский стих и стих устной поэзии, как «старую форму», в которую временно облекалось и облекается новое содержание. Так из-за путаницы в понимании стиха вольно или невольно высказывается пренебрежение к тому, что является нашей национальной гордостью.

— Содержанием поэзии, — говорит А. Абрамов, — являются жизнь, переживания, думы, работа и борьба человека. Конечно, так можно сформулировать содержание только в самой общей форме. Разумеется, это содержание бесконечно разнообразно. И разнообразно оно не только при сравнении поэзии разных веков, — различно содержание у поэтов и в пределах одного века. Тем не менее система стиха у этих поэтов может быть одна и та же. Следовательно, сама по себе система стиха — явление общенациональное, общенародное, могущее существовать при самых различных общественных формациях. Нельзя связывать появление нового стихосложения прямо с изменениями в базисе, как это получается, например, в статье В. Котова.

Формой поэтического произведения, считает оратор, являются образы, в которых воплощены идеи автора.

Язык — средство создания образа, основной материал, которым пользуется художник. В поэзии это средство усложнено: язык там выступает ритмически обработанным. Ритм, рифма, звуковая обработка стиха, т. е. стих, — это, таким образом, одна из сторон языка поэтических произведений. Сама по себе система стиха, считает А. Абрамов, не является формой поэтического произведения, так же как сами по себе краски, глина, мрамор не являются формой в живописи и скульптуре.

Но это вовсе не означает неизменности стиха. Особенности стиха изменяются, развиваются, обогащаются. Один и тот же по схеме стих может быть и новым и безнадежно устаревшим.

Признавая, что с развитием языка, с развитием культуры, с появлением необходимости выражать новые явления жизни развивается и стих, нельзя не признать, что закономерно появляются и новые стихотворные системы. Вслед за Ломоносовым, Пушкиным, Некрасовым Маяковский выступает одним из таких поэтов, которые серьезно двинули вперед развитие русского стихосложения. Его стих основывается на коренных свойствах родного языка.

Ритмические возможности, заключенные в русской речи, поистине неисчерпаемы. Маяковский сделал новый шаг в поэтическом использовании этих возможностей. Он широко применял стихи с разным количеством слогов, использовав разностопные стихи.

В связи с этим оратор, полемизируя с Е. Тагером и В. Друзиным, отстаивает понятие опорной ритмической основы, которое позволяет, по его мнению, с возможной конкретностью определять разные виды стиха Маяковского.

Значительная часть выступления А. Абрамова была посвящена анализу воздействия поэзии Маяковского на современных поэтов.

Осудив рецидивы групповщины, проявления беспринципности в некоторых выступлениях на данном совещании, **А. Анастасьев** останавливается на художественном своеобразии пьес В. Маяковского «Клоп» и «Баня». Главным, что определяет их художественную ценность, оратор считает сатирическое обличение тех отрицательных явлений, которые стоят на пути советского общества. Сатирически убивая эти явления, Маяковский утверждает коммунистические идеалы.

А. Анастасьев говорит, что рядом с великолепными сатирическими образами этих пьес образы положительных персонажей выглядят слабее, бледнее, что они во многом схематичны. Это — недостатки «Бани» и «Клопа», и ими обусловлены трудности при постановке этих пьес на сцене. Признавать это — не значит принижать значение драматургии Маяковского.

Далее А. Анастасьев говорит о мастерстве речевой характеристики в пьесах Маяковского, о необходимости учиться у него искусству сатиры.

А. Февральский полемизирует с критиками и литературоведами, которые недооценивают значения драматургии и кинодраматургии Маяковского. В этой связи он критикует книги В. Новикова, Е. Усиевич и Н. Маслина.

А. Февральский положительно оценивает книгу Б. Ростоцкого «Маяковский и театр», в которой дан, по его мнению, в основном верный и глубокий анализ драматургии Маяковского, и указывает на ряд спорных положений в этой книге. Оратор критикует статью А. Анастасьева о книге Б. Ростоцкого, опубликованную в «Литературной газете».

Далее А. Февральский, отмечая интерес зрителей и артистов к драматургии Маяковского, критикует неправильную позицию Комитета по делам искусств, не только не способствующего, но и препятствующего выходу пьес Маяковского на сцену.

Л. Тимофеев посвятил свое выступление проблемам традиции Маяковского в советской поэзии. В этой связи он критикует работу поэтов в истекшем году, считая, что ее недостатки связаны, в частности, с небрежным отношением к слову.

Л. Тимофеев критически разбирает отрывки из поэмы «Свет над полями» В. Саянова. Затем он останавливается на некоторых стихотворениях А. Яшина и Б. Кежука, отмечая их недостатки.

Далее Л. Тимофеев говорит об отставании в разработке проблем поэтики, существующем в нашем литературоведении. Он критикует книги В. Новикова, В. Бакинского, Е. Наумова за поверхностность в освещении проблем поэтики Маяковского и полемизирует со статьей В. Назаренко в «Звезде», считая принципиальной ошибкой этой работы то, что в ней вопрос о своеобразии стихосложения Маяковского сведен только к особенностям ритмики.

— Многое в нашей дискуссии прозвучало бы иначе, — сказал **В. Дувакин**, — если бы основной доклад был более проблемным, если бы он поставил в центр обсуждения главную тему — место Маяковского в истории русской литературы и его мастерство.

— Нам надо сразу же решить, —говорит далее В. Дувакин, — что может быть предметом для дальнейших споров, а что не нуждается в них. Думается, что вопрос об истоках творчества Маяковского, вопрос о том, в каком лагере был ранний Маяковский — в лагере революционно-демократической литературы, возглавляемой Горьким, или в лагере декадентском, — решен. Никто сейчас не будет доказывать, что истоком творчества поэта является футуризм.

Другой «спорный» вопрос—менялся или не менялся Маяковский на протяжении своей жизни—тоже ясен. Никто не спорит, что менялся. Ясно также, что в процессе творческого роста у Маяковского возникали противоречия, которые затем преодолевались. Следовательно, речь должна итти о характере этих изменений и противоречий, о их природе — социальной, этической и эстетической. Чтобы разобраться в этом, нужно поставить вопрос о творческом методе Маяковского.

В оглавлении книги В. Перцова есть пункт: «Особенности художественного метода Маяковского». Оратор утверждает, что В. Перцов уклоняется от выводов, подменяя исследование вопроса о методе социалистического реализма в творчестве Маяковского дипломатией.

— Вопрос о методе социалистического реализма в творчестве Маяковского, —говорит В. Дувакин, — должен решаться конкретными исследованиями. Но в самой постановке вопроса следует соблюдать элементарную логику. Нельзя признавать Маяковского родоначальником социалистического реализма в поэзии и одновременно утверждать, что Маяковский овладел этим методом лишь к 1924 году.

По мнению В. Дувакина, элементы социалистического реализма накапливались уже в дооктябрьском творчестве Маяковского, а с 1917 года следует говорить уже о развитии метода в творчестве ведущего поэта советской эпохи.

В. Дувакин резко критикует книгу В. Новикова, которая, по его мнению, представляет собой литературный брак.

На совещании выступила французская писательница **Эльза Триоле**.

— Я позволю себе, — сказала она, — выступить здесь, как переводчица Маяковского на французский язык, как автор небольшой книги воспоминаний о Маяковском, как ревностный пропагандист поэзии Маяковского во Франции.

Эльза Триоле рассказала присутствующим о том, как проникало во Францию и распространялось творчество Маяковского. Она подчеркнула, что во Франции относятся к творчеству поэта с большим интересом: новые переводы его стихов, воспоминания, статьи, доклады о нем встречают живое внимание.

Стихи Маяковского читались на огромных митингах, организованных коммунистической партией Франции.

— Первое издание моих воспоминаний о Маяковском, — говорит Эльза Триоле, — куда вошли переводы стихов поэта, было целиком уничтожено по приказу правительства Даладье после объявления войны, в 1939 году.

Не всегда проходили благополучно и доклады о Маяковском. Один из таких докладов, организованный Обществом дружбы «Франция—СССР», должен был состояться в Сорбонне, но министерство народного просвещения «не пустило» Маяковского в Сорбонну. Возникший скандал способствовал тому, что на доклад, состоявшийся в другом зале, собралось вдвое больше народу.

В октябре 1952 года во Франции вышла подготовленная мной книга переводов «Стихи и проза Маяковского». Переводила я стихи Маяковского так: принимая во внимание невозможность точного перевода рифм Маяковского и отсутствие во французском языке ярко выраженных ударений, я взяла за основу ритм стиха Маяковского, как мелодию, на которую надо написать слова, выражающие то же самое, что они выражают у Маяковского.

Э. Триоле иллюстрирует это чтением отрывков из своих переводов.

Об интересе к этой книге, продолжает Э. Триоле, свидетельствует уже то, что она моментально разошлась на книжном базаре «Национального комитета писателей».

Э. Триоле говорит о влиянии, которое оказало и оказывает творчество Маяковского на поэзию Франции.

— Целеустремленность каждого стихотворения, его злободневность, то, что делает поэзию Маяковского энциклопедией советской эпохи, по которой можно изучать историю и нравы его времени, — вот что поразило поэтов Франции.

Революционные поэты были и до Маяковского, но такого революционного поэта, отвечающего на социальный заказ день за днем, не было никогда! И именно это оказало такое огромное влияние на поэзию всего мира, говорит Э. Триоле.

Касаясь вопроса о пути Маяковского, Э. Триоле подчеркивает, что для нас важно не то, что Маяковский был футуристом, а то, что он перестал им быть, так же как и то, что Арагон был сюрреалистом, имеет значение только постольку, поскольку он от сюрреализма ушел. И во время футуризма Маяковский был большим поэтом, что и увидел прозорливый глаз А. М. Горького. Важно то, что Маяковский, выбравшись из футуризма, сэкономил огромный путь для поэзии всего мира, шагая десятилетками поэзии.

— Образ Маяковского для передовых поэтов Франции сливается с Советской Россией, со страной социализма. Он у нас неотделим от веры в эту страну, надежды на нее и любви к ней, — говорит Э. Триоле. — В жизни Маяковского, в его творческой биографии нет ничего, что надо было бы замазывать, на что надо было бы накидывать плащ, как на обнаженного Ноя. Нам нужен прекрасный Маяковский — лучший, талантливейший, чтобы имя его, творчество его сияли путеводной звездой для поэтов всего мира.

Д. Молдавский (Ленинград) говорит о важности изучения традиции Маяковского в поэзии братских народов СССР и в связи с этим о некоторых недостатках своей книги, написанной на эту тему, признавая, что он не сумел теоретически осмыслить весь собранный в ней материал.

Д. Молдавский положительно оценивает работу Шарифа Хусейн Заде, посвященную традиции Маяковского в таджикской поэзии, а затем критикует статью К. Петросова «Традиция Маяковского в азербайджанской поэзии», опубликованную в журнале «Октябрь», очерк А. Саидова «Маяковский и узбекская советская поэзия», напечатанный в журнале «Звезда Востока».

В заключение Д. Молдавский подробно останавливается на книге Р. Григоряна «Владимир Маяковский», положительно оценивая вторую часть книги — «Маяковский и армянская поэзия».

Польский поэт **В. Ворошильский** — лауреат Государственной премии — рассказывает об огромной популярности В. Маяковского в Польше, о большой роли творчества Маяковского в идеологической борьбе, которая происходит в польской литературе.

— Если знаменем эстетов в этой борьбе были Поль Валери и Райнер Мария Рильке, то нашим знаменем, нашим учителем стал Владимир Маяковский! Мы приходили к нему, как к поэту революции, поэту рабочего класса, учились у него революционной поэзии. Приходя к нему, мы боролись за то, чтобы наше искусство открыто, честно, без оговорок служило рабочему классу в деле укрепления демократии и построения социализма в Польше. Под знаменем Маяковского мы боролись за политическую тему, за тему, взятую из реальной жизни народа, за понятный, доходчивый, яркий стих, за боевую, мобилизующую интонацию, за современную народную, чистую польскую речь, против эстетского жаргона и зауми.

— Мне бы не хотелось, — продолжает В. Ворошильский, —чтобы у вас сложилось упрощенное понятие о борьбе за Маяковского в польской литературе. Дело не выглядело так, что по одну сторону линии фронта стояли непоколебимые «маяковцы»—все, как один, замечательные поэты, а по другую — декаденты. Дело обстояло гораздо сложнее. Из революционных поэтов лишь немногие обладали зрелым мастерством. Остальные были юнцами, которые искренне желали служить революции, но не всегда умели это делать. Мы писали много сырых, неуклюжих, подражательных стихов. Сознательно борясь против формализма, мы иногда подпадали под его влияние.

С другой стороны, в противоположном лагере, кроме эстетов, были люди просто ошибающиеся. Многие из них верили, что можно соединить прогрессивные общественно-политические взгляды и эстетство. Многие из них даже пытались работать над злободневной политической тематикой. Но суховей формализма вытравлял краски из их стихов, и читатели отворачивались от формалистической поэзии. И тогда честные талантливые поэты стали все чаще и решительнее откалываться от эстетских группировок. Характерно, что у многих из них этот перелом ознаменовался подражанием Маяковскому. Я не боюсь сказать, что это было плодотворное подражание, хотя слова «плодотворное» и «подражание» как будто должны взаимно исключать друг друга. Это было плодотворное подражание потому, что оно отсекало поэта от его формалистического прошлого.

Когда же кончалось подражание и начиналось продолжение Маяковского? Помоему тогда, когда поэт путем глубокого овладения наукой марксизма-ленинизма и классическим литературным наследием, неустанным напряжением ума и сердца, путем проникновения в жизнь своего народа накоплял в себе такое богатство мыслей и чувства, что оно оформлялось в самостоятельные образы.

— Все ли хорошо в нашей поэзии в настоящее время? Нет, далеко не все. Мы с помощью Маяковского вытеснили из траншей поэтического фронта декадентов и формалистов, но нам еще не удалось полностью вытеснить из нашей поэзии серость, скуку, однообразие, трусливую созерцательность, — говорит В. Ворошильский.

В заключение В. Ворошильский положительно оценивает книгу Л. Фейгельман «Маяковский в странах народной демократии».

В начале вечернего заседания 24 января выступил **Д. Марков** (Сумы), посвятивший речь влиянию творчества Маяковского на литературу стран народной демократии.

Отметив как положительный факт выход книги Л. Фейгельман «Маяковский в странах народной демократии» и ценность фактического материала, собранного в этой книге, оратор критикует далее эту работу.

— Существенный недостаток книги, — говорит оратор, — отсутствие ощущения *национального своеобразия поэзии* стран народной демократии и индивидуального облика отдельных поэтов, то, что влияние Маяковского на литературы стран народной демократии не рассматривается в связи с формированием социалистического реализма в этих литературах.

Е. Евтушенко говорит об учебе у Маяковского современных советских поэтов. Он предлагает различать понятие «традиции Маяковского» в широком смысле от более узкого понятия прямой «учебы у Маяковского», то есть «школы Маяковского», предлагая относить к «школе Маяковского» тех поэтов, которые, унаследовав не только его идейные, но и художественные принципы, его поэтику, развивают их в соответствии со своими творческими индивидуальностями.

— Маяковский по праву является любимейшим поэтом нашего народа, — сказал **Н. Лесючевский**. — Пытаться устанавливать монополию на любовь к Маяковскому — значит подменять это благородное чувство мелкотравчатым самолюбованием.

Далее Н. Лесючевский говорит о том, что книги о Маяковском должны культивировать и развивать любовь к Маяковскому в нашем народе, не декларировать его величие, а раскрывать его во всей жизненной и конкретно-исторической реальности. Задача исследователя — показать, как Маяковский унаследовал и развил великие традиции русской литературы, в чем проявляется его новаторство, возникшее на основе великой национальной традиции, как в его творчестве проявляется страстная партийность, воинственная коммунистическая идейность, находившая свое выражение в совершенной поэтической форме. Главная задача — раскрыть, почему Маяковский является лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи.

Переходя к книгам о Маяковском, которые были предметом обсуждения, Н. Лесючевский говорит, что недостатком ряда исследований является то, что в них не показано осуществление принципа партийности в творчестве Маяковского, не поставлена проблема типического у Маяковского, проблема сатирического заострения образа и многие другие важные вопросы.

Далее оратор критикует выступления С. Трегуба, А. Колоскова, В. Катаняна, В. Котова за проявленную в них групповщину, за стремление не только критиковать книги В. Перцова и В. Новикова, но и уничтожить авторов этих книг как исследователей.

Н. Лесючевский говорит, что ему не понравилось выступление В. Перцова, который недостаточно ясно сказал о своих прошлых ошибках и недостаточно твердо о том положительном, что есть в его книге и что он считает необходимым отстаивать.

Далее оратор полемизирует с теми, кто, критикуя работу В. Новикова, пытается отказать ему в праве писать о Маяковском, и осуждает в этой связи выступление В. Огнева. Н. Лесючевский считает достоинством книги В. Новикова то, что автор ее стремится показать Маяковского, как поэта, воспитанного социалистической революцией, воспитанного нашей партией.

Оратор резко полемизирует с предложением Е. Евтушенко подменить понятие «традиции Маяковского» понятием «школа Маяковского», считая, что это вредная сектантская установка, умаляющая значение Маяковского и показывающая вредное воздействие «концепции» С. Трегуба на некоторых молодых поэтов.

К. Петросов (Баку) посвятил выступление плодотворному воздействию Маяковского на литературу братских народов Советского Союза. Критикуя книгу Д. Молдавского «Маяковский и поэзия народов СССР», К. Петросов выражает неудовлетворенность несамокритическим выступлением автора на совещании.

— Наше совещание показало, — говорит **И. Анисимов**, — что свободная дискуссия была насущно-необходимой. Из нее можно сделать два вывода: первый — теоретический уровень изучения творчества Маяковского еще низок; второй — дискуссия показала, что есть люди, которые хотят присвоить себе монополию на изучение Маяковского и стремятся отпугнуть, оттеснить инакомыслящих, не останавливаясь при этом перед клеветой и угрозами. Претенденты на монополию сделали попытку использовать нашу свободную дискуссию в своих частных интересах, но получили отпор. Благодаря этому наше совещание послужит на пользу советской науке и литературе.

Далее И. Анисимов говорит, что именно те, кто в прошлые годы непомерно раздувал роль футуризма, неправильно освещая творчество Маяковского, теперь обвиняют в этом кого угодно. Критикуя в этой связи С. Трегуба, не пожелавшего четко определить свое отношение к футуризму, И. Анисимов указывает, что при всех крупных недостатках, имеющихся в книге В. Перцова, в ней есть отчетливое противопоставление футуризма и Маяковского.

Перед исследователем Маяковского стоит задача — показать антикапиталистический протест раннего Маяковского в широком социальном плане, рассматривать раннее творчество Маяковского в связи с большими историческими событиями, а не в лужице «Садка судей» и «Нового Сатирикона». Весьма плодотворным было бы исследование, которое сопоставило бы антикапиталистические произведения раннего Маяковского с разоблачением капитализма в его стихах и очерках об Америке, являющихся ярчайшим образцом социалистического реализма, говорит оратор.

И. Анисимов признал ошибочной свою статью о Маяковском, напечатанную в 1930 году. Он критикует качество подготовки последнего, двенадцатитомного собрания сочинений Маяковского и характер комментариев к нему, искажающих облик поэта.

Оратор говорит о том, что критика, которой подвергались на совещании некоторые работы о Маяковском, в той части, где она была серьезной, конкретной и нелицеприятной, должна быть самым серьезным образом учтена авторами. Делая выводы из совещания, необходимо так же решительно отмести попытку некоторых его участников запутать вопрос о дооктябрьском творчестве Маяковского, оторвать творчество Маяковского от великой русской литературы и ее могучей дореволюционной демократической традиции, противопоставить Маяковского современной советской поэзии.

И. Анисимов критикует В. Катаняна, который, несправедливо беспощадно относясь к книге В. Перцова в целом, обходит по непонятным причинам молчанием многие серьезные недостатки этой книги, как, например, недопустимую либеральность в оценке «опоязовцев», стремившихся помешать революционному росту Маяковского.

Критикуя статью В. Котова, опубликованную в «Звезде», оратор указывает, что в ней проявляется стремление и обособить Маяковского от великой русской литературы и обесцветить национальное своеобразие прогрессивных зарубежных поэтов, представить в неправильном освещении вопрос о новаторстве и традициях.

И. Анисимов выражает уверенность в том, что совещание поможет сплотить исследователей творчества Маяковского и повысить требовательность к работам о Маяковском. Оратор считает правильным создание единого научного центра изучения творчества Маяковского в виде сектора Маяковского в Институте мировой литературы имени Горького и говорит о необходимости в короткий срок приступить к подготовке собрания сочинений Маяковского на уровне современных научных и политических требований к подобному изданию.

— Наше совещание по вопросам творчества Маяковского и то, что за последнее время вышло около 20 книг о Маяковском, — сказал **А. Софронов**, — свидетельствует о здоровье нашей литературы, нашей критики и литературоведения, о возможности свободно высказывать и защищать свою точку зрения на литературные явления. Думается также, что совещание поможет принять меры для того, чтобы упорядочить издание сочинений Маяковского, поможет прекратить разнобой в представлениях читателей о творчестве великого поэта.

Далее А. Софронов посвящает свое выступление резкой критике тех ораторов, которые выходили на трибуну с единственной целью отстоять групповые интересы, свою «монополию» на изучение Маяковского.

— Сейчас пришла та пора, — говорит А. Софронов, — когда нужно полностью изъять из владения сектантской группы Трегуба и иже с ним замечательные творения замечательного поэта нашей советской современности — Владимира Маяковского. Маяковский принадлежит советскому народу, всему прогрессивному человечеству, а не маленькой группе так называемых его «друзей».

— Некоторые товарищи из группы С. Трегуба, — продолжает А. Софронов, — старались доказать, что Маяковский принадлежал футуристической группе. Он, действительно, входил в нее, но давал ей очень примечательную оценку, говоря, что «футуристическое движение, ведомое людьми искусства, мало вникавшими в политику, расцвечивалось иногда и цветами анархии. Рядом с людьми будущего шли и молодящиеся, прикрывающие левым флагом эстетическую гниль».

Утверждение, что Маяковский принадлежал футуристической группе, а затем не изменялся, имеет не такую уж безобидную подкладку. За этим стоит желание вместе с Маяковским протащить в наше искусство и футуристов, показать, что они не являлись мелкобуржуазной декадентской группой, а были якобы прогрессивным течением в литературе. Сторонники этого взгляда хотят представить дело так, что на Маяковского не оказывали влияния ни партия, ни советская власть, ни советский народ. Это позиция ошибочная, политически вредная, противоречащая неоднократным высказываниям самого Маяковского. На этой ошибочной позиции стоят и С. Трегуб, и А. Колосков, и В. Катанян, и некоторые другие.

Критикуя книгу С. Трегуба «Живой с живыми», А. Софронов считает, что эта книга вредная, отражающая групповые, сектантские позиции автора, она не приносит никакой пользы изучению творчества Маяковского, тем более, что в ней нет художественного анализа. Книга, по существу, защищает футуризм.

Прикрываясь именем Маяковского, С. Трегуб обрушивается на советских поэтов, избивает и «хороших и разных».

А. Софронов говорит, что С. Трегуб старался пространно и длинно объяснить, как он представляет себе, что такое школа Маяковского. Он пытался доказать, что видит за этим всю советскую поэзию. Это неправда, и подтверждение этому можно найти опять-таки в самой книге С. Трегуба. Школа Маяковского у Трегуба — всего четыре-пять поэтов, а главным образом С. Кирсанов. Это не школа, а «школка», отличающаяся тоже, по существу, сектантскими отношениями.

А. Софронов рассказывает о недостойном поведении С. Трегуба после появления статьи В. Щербины в «Правде» 25 марта 1951 года, когда Трегуб упорно увиливал от обсуждения своей книги. Здесь, говорит А. Софронов, и проявились трусость и двурушничество Трегуба.

— На совещании выступали молодые наши товарищи — В. Котов, Е. Евтушенко и другие, — говорит А. Софронов. — Хочется обратиться к ним: перед вами большая жизненная дорога. Надо выбирать себе настоящих и хороших учителей — в жизни и литературе, об этом не раз говорил Маяковский. Не ходите за такими «теоретиками», как Трегуб, — они заведут вас в дремучие болота групповщины и сектантства.

Выступивший на совещании 26 января **Б. Соловьев** посвятил свою речь проблемам изучения поэтики и мастерства Маяковского. Он критиковал статьи А. Абрамова, Е. Тагера и М. Штокмара. Б. Соловьев считает, что в статье В. Назаренко «Об одном распространенном заблуждении» система ломоносовского стихосложения превращается в прокрустово ложе, на котором стихи Маяковского уродуются и калечатся. Оратор утверждает, что в статье В. Котова, опубликованной в журнале «Звезда» в качестве ответа на статью В. Назаренко, проявляется явное непонимание теории стиха.

В заключение Б. Соловьев критикует работы С. Трегуба и А. Колоскова, в которых проявилось апологетическое отношение к футуризму и ЛЕФу.

Осудив в начале своего выступления подозрительный характер «борьбы за Маяковского», провозглашенной С. Трегубом для утверждения своего монопольного права на толкование творчества и творческих традиций поэта, **М. Луконин** говорит о понимании традиций Маяковского:

— Да, Маяковский является наследником русской классической поэзии. Его поэтика развивалась и находится в русле русского стихосложения, иначе и не могло быть.

Меня удивил, — говорит М. Луконин, — вывод, который сделал В. Назаренко на страницах «Звезды», вывод, что новаторства Маяковского в поэзии не существует, что новаторства и не может быть. Хотя это и утешило кое-кого из поэтов, но это, очевидно, неправильно по отношению к Маяковскому и вредно для нашей сегодняшней работы.

Доказательство преемственности стиха Маяковского нам нужно не для этой цели, а для того, чтобы видны были неограниченные возможности поисков своих средств выражения.

— Мне кажется, исследование вопроса поэтической преемственности Маяковского идет в не совсем логическом порядке, — продолжает оратор. — Почему надо искать у Маяковского классические размеры, а не показать имеющиеся в классической поэзии признаки возможностей для стиха Маяковского?

Поэзия Пушкина, поэзия Некрасова, наших великих любимых поэтов, очень часто выходила за рамки метрических схем!

Только декадентская, салонная и вялая поэзия довела метрические схемы до канонов, а декадентская поэтика превратила их в пособия для писания стихов.

Маяковский не ломал формы классического стиха. Он непосредственно за Некрасовым возвратил главенствующее значение истинному ритму перед раздутой значительностью метрических схем. И в народной поэзии, и в поэзии Пушкина и Некрасова ритм часто не укладывается в метрические схемы.

Нет никаких оснований предполагать, что гений Пушкина отрицал бы возможность поисков в этом направлении.

Маяковский не разрушал и не запрещал ни для себя, ни для других ямбической основы стиха. Странно, что некоторые поэты, беря, например, «Во весь голос», делают вывод об отступлении Маяковского от принципов своей поэтики. Эти товарищи не понимают существа новаторства Маяковского. Далее М. Луконин говорит об учебе у Маяковского и, резко критикуя узкое понимание Трегубом «школы», подчеркивает:

— Пушкин и Маяковский — равно учителя, их творчество — пример служения народу.

Маяковский учит нас свободе истинного ритма, боязни заданных схем. Он создал образцы органических ритмов, но его работа исключает возможность подражания или копирования.

— Мы должны учиться у Маяковского активной любви к народу, к партии, — говорит оратор. — Маяковский не терпел полупоэзии, полужизни, полусилы, полуголоса. Он каждый свой час отдавал поэзии. И надо учиться у него этой полной отдаче. А мы работаем не в полную силу.

Традиция Маяковского исключает облегченное представление о роли, о задачах, об особенностях поэзии, о ее средствах. Многие недостатки в нашей поэзии обусловлены безынициативным, нетворческим, иждивенческим отношением к стиху. Отсюда проистекают бледность и безликость.

Соприкасаясь с жизнью, мы часто довольствуемся тем, что она подсказывает нам тему. Дальнейшее возлагается на застольное собеседование с бумагой, и пускаются в ход весь запас поэтичности, вычитанный или слышанный ритм, знакомые, не раз проверенные образы. А ведь тема требует всегда конкретного воплощения. Кто может подсказать решение? Жизнь. Формы для этого решения не существует. Разве можно иметь в запасе ритм? Где надо искать средства воплощения? В жизни. Кто может подсказать эти средства, дать язык и краски, родить свою, неповторимую интонацию? Жизнь, а не устоявшееся представление о правилах стихосложения.

С кратким заключительным словом по своему докладу выступил **В. Друзин**. Затем с речью, подводящей итоги дискуссии, по поручению секретариата ССП, выступил заместитель генерального секретаря Союза писателей **К. Симонов**.

* Начало см. в №№ 10, 11, 12 «Литературной газеты».

СЕНАТОР МАККАРЭН ДОПРАШИВАЕТ...

Так выглядит «знакомство» моряков трансатлантического иностранного парохода «Санта Роза» с американским сенатором Маккарэном.

Взгляните на этот снимок из английского журнала «Иллюстрейтед Лондон ньюс». На борту «Санта Розы» Маккарэн (крайний справа) расположился совсем как хозяин. Рядом с сенатором — полицейский чиновник. Вместе они учиняют «проверку» всей команды. Маккарэн задает морякам вопросы «об их личной жизни и политическом прошлом», чиновник проверяет документы, записывает полученные сведения. На заднем плане можно увидеть тех, кто отказался послушно отвечать Маккарэну. Этих моряков лишили принадлежащего им права сойти на американский берег.

* * *

Моряки французского лайнера «Либерте» 24 декабря прошлого года познакомились с американским сенатором Маккарэном. Правда, это знакомство было заочным. Сенатора представляли чиновники иммиграционной службы США. Сославшись на результаты «проверки», проведенной среди членов экипажа на основе закона Маккарэна—Уолтера, вступившего в силу как раз в тот самый день, власти запретили морякам сойти на берег.

Издавна существует следующий международный обычай. Если судно заходит в иностранный порт, его команде, уставшей от дальнего плавания, разрешается сойти на берег. Находясь в открытом море, матросы мечтают о той минуте, когда они ступят на твердую землю и обретут заслуженный отдых. И вот теперь этот обычай, освященный веками, грубо попран реакционным законом Маккарэна — Уолтера. Стремясь усилить в стране атмосферу истерии и страха, шпики из Федерального бюро расследований чинят допросы иностранным морякам в американских портах, не разрешают этим морякам воспользоваться их правом сойти на берег.

По словам французской газеты «Монд», членам команды лайнера «Либерте» предлагалось ответить на «неделикатные, смешные, иногда даже неприемлемые вопросы об их личной жизни и политическом прошлом». Для тех, кто не отвечал, Америка оказалась закрытой. И их набралось немало — 299 человек! К великому неудовольствию подручных Маккарэна, подавляющее большинство наотрез отказалось, к примеру, касаться «некоторых профсоюзных вопросов», как видно, сильно интересующих охранку США.

После французов наступил черед англичан, шведов и т. д.

Весьма характерно, что некоторые буржуазные газеты, отражая мнение общественности своих стран, возмущенной дальнейшим нажимом американцев, выступили с критикой нового закона. Именно «Норрлендска сосиал-демократен» (которую никак нельзя заподозрить в антиамериканских настроениях) назвала закон Маккарэна «чудовищным продуктом дикой истерии». Шведская газета «Дагенс нюхетер» выразилась несколько мягче: «С точки зрения психологической он вызовет раздражение у всех, кого этот закон касается. В политическом отношении он... будет компрометировать американский конгресс, который принял этот закон из страха и отсутствия способности к здравому мышлению».

И действительно. Только отсутствием «способности к здравому мышлению», дикой истерией и страхом можно объяснить принятие конгрессом фашистского закона Маккарэна!

Правительства Англии, Франции, Голландии, Швеции, Италии также не могли пройти мимо возмущения общественности. Они были вынуждены заявить протест против «проверки» моряков, прибывающих на иностранных судах в США. Следует отметить, впрочем, что маршаллизованные правительства выдвинули в качестве основного аргумента тот факт, что судовладельцы их стран начали нести убытки от затяжной процедуры проверки в американских портах. Как видно, маршаллизованных правителей меньше волнует сама гнусная процедура, унижающая достоинство граждан.

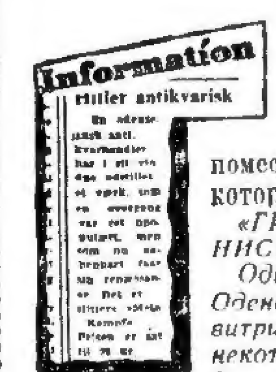
Надо признать, что имя Маккарэна обрело в последнее время некоторую известность. Выразительная характеристика этого деятеля дана в книге двух осведомленных вашингтонских журналистов — Роберта Аллена и Уильяма Шэннона «Трумэновская карусель».

О сенаторе Маккарэне сказано в этой книге немного: он превратил возглавлявшуюся им юридическую комиссию сената в «свинарник, который кишит бандитами и бездарностями, пользующимися его покровительством».

Здесь, как говорится, «комментарии излишни»!

Лев НИКУЛИН

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Information
Hitler antikvarisk

Датская реакционная газета «Информашон» 20 ноября 1952 года поместила заметку, в которой говорится:

«ГИТЛЕР У БУКИНИСТА

Один букинист в Оденсе выставил в витрине книгу, которая некоторое время была довольно непопулярной, но теперь явно вступила в период своего возрождения. Это — «Мейн кампф» Гитлера. Цена установлена в 26 крон».*

Комментарии излишни!

* Оденсе — город в Дании. — **Ред.**

АЙ ЦИН,
китайский поэт

Песнь о счастье

Публикуемое нами стихотворение написано автором в ноябре 1940 года в городе Чунцине после осмотра фотовитрин, посвященных Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. На русский язык стихотворение переводится впервые.

Старый, дряхлый крестьянин сидит на скамье деревянной,
На дутаре играет он, пальцами перебирая,
И дрожат его пальцы вослед улетающим звукам.
Вспоминает та песня бесправия скорбные годы,
Говорит о страданьях, о голоде, горе и смерти.
Боль и гнев — в заключительных страстных и сильных аккордах.

И когда уже спета печальная песня о прошлом,
Ей вослед возникает другая — о празднике счастья,
Что когда-то могло лишь во сне человеку присниться.

В этой песне встают трудовые победы народа,
Звуки струн рассыпают веселье и звонкую радость,
И в последних аккордах — одно воспевается имя.
Это имя вещает народам великую правду,
Это имя сверкает энергии солнечным светом,
Это имя на знамени нашем начертано: С т а л и н.

С китайского перевел
Александр ГИТОВИЧ

Как был предан Юлиус Фучик

Юлиус Фучик. Как бесконечно дорого это имя сердцу чехословацкого народа, сердцу каждого честного человека на нашей планете! Человек кристальной чистоты и несгибаемого мужества, он до последней минуты своей замечательной жизни, оборванной гнусным предательством, был верен народу, великим идеалам человеческого счастья.

В ноябре прошлого года в Чехословакии состоялся суд над участниками антигосударственного заговорщического центра во главе с Р. Сланским. Это был суд и над предателями незабвенного Фучика. Мы воспроизводим ниже выдержки из стенограммы процесса, в которых воскрешается благородный, героический образ Юлиуса Фучика и раскрываются подлость и низость выдавшего его палачам профессионального предателя — сиониста Бедржиха Райцина.

В ходе процесса жена Фучика Густа Фучикова изъявила желание дать суду свои показания, выступив в качестве свидетеля.

«**Председатель суда.** Из написанных перед смертью писем вашего мужа — национального героя нашего народа Юлиуса Фучика — видно, что вам была известна его подпольная антифашистская деятельность и что вы сами принимали в ней участие. Что вы можете об этом сказать?

Свидетель. После перехода коммунистической партии Чехословакии на нелегальное положение, некоторые товарищи были посланы для работы за границу, другие поставлены во главе движения сопротивления против фашистов на родине. Среди товарищей, которым было дано задание бороться на родине против фашизма, находился также Юлиус Фучик. Подпольный Центральный Комитет компартии Чехословакии поручил ему организовать подпольную печать и антифашистскую борьбу.

Юлиус Фучик любил свой народ и, будучи верным сыном коммунистической партии, ответственным работником партии, единственной партии, оставшейся во главе борьбы нашего народа против оккупантов, отдал все свои силы, все свое дарование, всю свою пламенную любовь борьбе за счастливое будущее наших трудящихся. Юлиус не знал радостей личной жизни. Он был гоним с места на место, преследовался нацистскими палачами, но всегда бесстрашно шел на эту борьбу. Юлиуса Фучика никогда не покидала пламенная любовь к Советскому Союзу. Он всегда был твердо уверен в победе Советского Союза... Юлиус Фучик был редактором подпольной газеты «Руде право», он издавал нелегальные газеты «Табор», «Ческе новины», «Дельницке новины», «Ческа жена», «Трнавечек» и множество листовок против фашистских оккупантов. Во время оккупации он издал Краткий курс истории ВКП(б), Конституцию СССР. Он организовал саботаж против оккупантов на заводах и железных дорогах, готовил создание национальных революционных комитетов. Деятельность Юлиуса Фучика распространялась на все участки освободительной борьбы чехословацкого народа.

Эту борьбу за свободу нашего народа, за социалистическую Чехословакию, за счастливую жизнь наших трудящихся Юлиус Фучик вел до самой своей смерти. Великая сила Юлиуса вытекала из того, что он всегда неразрывно связывал независимость и счастье нашего народа с Советским Союзом. Он был твердо убежден в том, что только Советский Союз может гарантировать нашу свободу, независимость и счастливую жизнь. За эту полную героизма жизнь, за беспримерное мужество и верность своему народу и Советскому Союзу наш народ после освобождения назвал Юлиуса Фучика национальным героем.

Пример Юлиуса Фучика, его борьба и жизнь являются светлым образцом для молодежи всего мира.

Председатель суда. Что вам известно о людях, с которыми встречался Юлиус Фучик в период его подпольной работы?

Свидетель. Я знаю, что он поддерживал связь с редакторами газеты «Руде право» Урксом, Яном Крейчим, Франтишеком Кржижеком и другими...»

Среди других Густа Фучикова назвала и Бедржиха Райцина.

«**Председатель суда.** Что вам известно о Бедржихе Райцине?

Свидетель. Знаю, что Райцин был также знаком с редакторами газеты «Руде право», которых я назвала. Бедржиху Райцину было поручено использовать легальные возможности печати для подпольной работы компартии Чехословакии. Поэтому он также связался с Юлиусом Фучиком. Райцин посещал Юлиуса Фучика в его квартире. С Райцином мы делили еду, помогали ему деньгами. Райцин ночевал в квартире, где скрывался Фучик...»

Делили еду, деньги и кров... Юлиус Фучик стоял на самом остром участке подпольной работы. Среди других поручений компартии он осуществлял связь подполья с внешним миром. Через него подпольный ЦК компартии передавал указания о деятельности проживавшим на легальном положении кадрам. В их числе оказался и Райцин. Чем платил он, принятый Фучиком за человека? Чем может платить враг, сделавший своей профессией изощренную маскировку с целью предательства и убийства?

Именно такого врага разоблачил чехословацкий народ и в лице Бедржиха Райцина.

С потрясающей силой звучали слова Густы Фучиковой, когда она продолжала свои свидетельские показания:

«Прочитав обвинительное заключение по делу антигосударственного заговорщического центра, возглавляемого Сланским, в котором назван также и изменник Райцин, я снова начала анализировать его деятельность во время оккупации...

Бедржих Райцин посещал Юлиуса Фучика в Пльзне, где Юлиус скрывался. Вскоре гестапо пришло на эту квартиру искать Фучика.

Затем Райцин посещал Юлиуса Фучика в Хотимерже, где Юлиус тоже скрывался. И туда вскоре явилось гестапо с поисками Юлиуса Фучика.

Райцину была известна пражская квартира Юлиуса Фучика. Здесь гестапо также искало Юлиуса Фучика. Юлиус спасся тогда от ареста лишь благодаря своей осторожности. Из шифрованного письма, написанного мне Фучиком, я узнала, что в это время производились аресты наших редакторов. Сейчас я вижу, что это были товарищи, с которыми встречался Райцин.

...На основании всех этих фактов я прихожу к выводу, что Райцин навел гестапо на след Юлиуса Фучика и помог арестовать редакторов газеты «Руде право».

Кто же он, этот Райцин? Вот запись его допроса.

«**Председатель суда.** Расскажите нам, как и когда вы вступили на вражеский путь по отношению к нашему государству.

Подсудимый. На вражеский путь я вступил еще до установления заговорщической связи с Рудольфом Сланским. С детства я был воспитан в буржуазном и религиозном духе в еврейской сионистской скаутской организации «Техелет лавана». Эта организация была рассадником еврейского буржуазного национализма среди молодежи. Уже с молодых лет я пропитывался буржуазной идеологией, которая вместе с моими личными качествами — карьеризмом и легкомыслием — проявлялась у меня в течение всей жизни...»

Шаг за шагом суд устанавливал, как сионист-карьерист пролезал в комсомол, в партию, как, ненавидя рабочих, втирался в доверие к их лучшим представителям и, тщательно маскируясь, предавал, всегда предавал.

Маскировался Райцин и на суде. Холеный и вылощенный, как писалось о нем в репортажах с процесса на страницах «Руде право», сутулясь, как бы желая сделать незаметным свое тучное, откормленное тело, он говорил покорным голосом, разыгрывал кающегося агнца, готового упасть на колени... Под огнем перекрестных вопросов, под градом неопровержимых улик исчезал внешний лоск, спала маска притворства и лжи, обнажилось чудовище с острыми хищными чертами лица, угловатым черепом и торчащими ушами, чудовище в грязной шкуре профессионального предателя, ищейки гитлеровского комиссара гестапо Эльберса.

«**Прокурор.** Расскажите подробно, при каких условиях вы вступили на путь измены интересам чехословацкого народа.

Подсудимый. Когда осенью 1938 года коммунистическая партия Чехословакии была запрещена аграрной и бенешевской реакционной правительственной кликой, она перешла в подполье и организовала подпольную работу против немецких фашистов и их внутренних пособников. На меня, как на одного из работников центрального аппарата партии, рассчитывали, что я буду участвовать в нелегальной деятельности...»

Вместо этого в решающий и тяжелый для партии момент Райцин усиливал удары в ее спину. В 1939 году, после оккупации Чехословакии немецкими фашистами, он был вызван на допрос в гестапо и здесь принял на себя обязательства агента-провокатора гитлеровской охранки. Под видом «жертвы» гестапо Райцин втирался в доверие к лучшим сынам чехословацкого народа и выдавал их на растерзание гитлеровской охранке.

«**Председатель суда.** В чем вы признаете себя виновным?

Подсудимый. Когда в апреле 1939 года я был арестован гестапо, я выдал ему нелегальных работников ЦК коммунистической партии Чехословакии и революционного движения. Без колебания я выдал гестапо Юлиуса Фучика и его соратников из редакции газеты «Руде право». Я также выдал гестапо нелегальную типографию партии. Когда я, на основании подписанного мною обязательства о сотрудничестве с гестапо, был выпущен из тюрьмы, я стал его агентом. И в дальнейшем я выдавал фашистам коммунистов, включая членов нелегального Центрального Комитета партии...

Прокурор. Следовательно, вы выдали немецким поработителям и национального героя чехословацкого народа Юлиуса Фучика?

Подсудимый. Да. Я признаюсь, что среди редакторов газеты «Руде право», которых я выдал гестапо, был и Юлиус Фучик. О нем я давал информацию гестапо и после моего освобождения из тюрьмы.

Прокурор. До вашего ареста вы также были связаны с подпольным руководством партии?

Подсудимый. Да, после запрещения партии в 1938 году, кроме связи с Юлиусом Фучиком, на меня была возложена резервная связь, а именно через издательство и книжный магазин в Праге на Спаленой улице.

Прокурор. Вы выдали гестапо и эту связь?

Подсудимый. Да, и эту связь я выдал гестапо.

Прокурор. Подсудимый, как вы выполняли предательские задания, которые давало вам гестапо?

Подсудимый. После освобождения я передавал информацию о своей связи с работниками партии... На основании дальнейших указаний я должен был установить связь с редакторами «Руде право», и конкретно мое внимание было обращено на Станислава Брунцлика. Тогда я сообщил в гестапо, что продолжаю поддерживать связь с Юлиусом Фучиком, о котором рассказал, что он связан с подпольным центральным руководством партии. Я уже знал, что Фучик скрывался от гестапо.

Прокурор. Следовательно, вы навели гестапо на след Юлиуса Фучика?

Подсудимый. Да...»

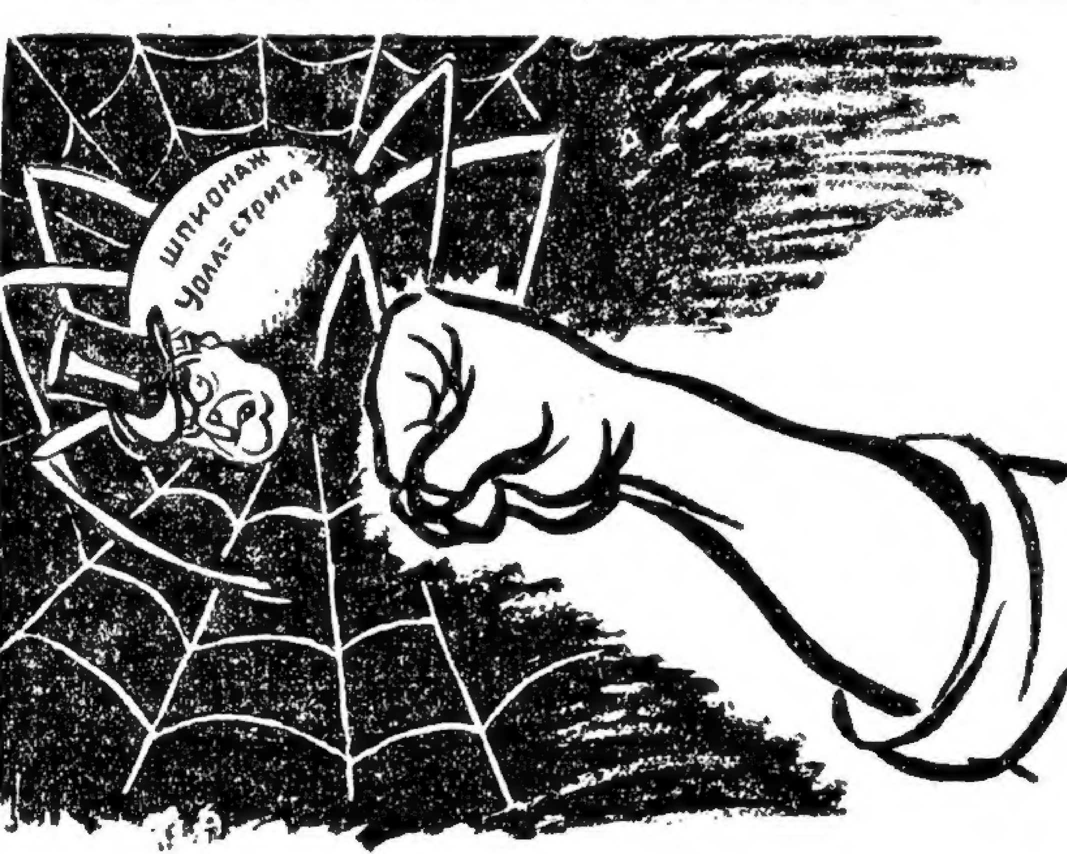
* * *

В конце своего показания Густа Фучикова повторила перед судом слова Юлиуса Фучика из его бессмертного произведения «Репортаж с петлей на шее»:

«Тысячи героев пали. Полюбите хотя бы одного из них, как родного сына, родную дочь, гордитесь им, как великим человеком, который жил будущим. Каждый, кто был верен будущему и умер за то, чтобы оно было прекрасно, достоин памятника. Тот же, кто из праха прошлого хотел соорудить плотину и остановить половодье революции, тот лишь фигурка из трухлявого дерева. Что из того, что на плечах у нее были золотые галуны!

Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»

Огненные слова! Они выстраданы всей светлой, героической жизнью национального героя Чехословакии. Они — в сердцах миллионов и миллионов людей, которые поклялись быть зоркими, беспощадно срывать маски со всех скрытых врагов народа, не допускать, чтобы людям с буржуазной идеологией, поддерживаемым империалистическим миром, удалось еще когда-нибудь вырывать из наших рядов таких замечательных борцов, каким был Юлиус Фучик.

Народы порвут зловещую паутину!
Рисунок художника А. ПЕЛЬЦА из чехословацкой газеты «Литературни новины»

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КУБИНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ХОСЕ МАРТИ

ЛИЦОМ К ВОСХОДУ

Вчера в Центральном Доме работников искусств состоялся организованный правлением Союза советских писателей СССР и Институтом мировой литературы имени А. М. Горького вечер, посвященный столетию со дня рождения кубинского писателя и общественного деятеля Хосе Марти.

Вечер открыл лауреат международной Сталинской премии Илья Эренбург. После его краткого вступительного слова с докладом о жизни и деятельности Хосе Марти выступил поэт Степан Щипачев. Ниже мы приводим его доклад в сокращенном изложении.

«Поднимая знамя национальных свобод и национальной независимости, — говорит в начале своего выступления С. Щипачев, — народно-социалистическая партия Кубы, все прогрессивные, честные люди Латинской Америки, стремящиеся к миру, с глубокой любовью вспоминают имя Хосе Марти—великого патриота, пламенного трибуна национально-освободительных идей, непримиримого врага северо-американского империализма.

Вся жизнь писателя-патриота была посвящена борьбе за независимость родной страны».

Степан Щипачев, говоря о юношеских годах Хосе Марти, показывает, в каких условиях складывалось его мировоззрение, креп и мужал его литературный талант.

В годы, когда поэт вступил на арену литературной и общественной деятельности, его родина находилась в колониальной зависимости от монархической Испании. На Кубе назревала национально-освободительная революция, замыкавшая собой цепь подобных революций, происходивших в странах Латинской Америки в XIX веке. Вместе с тем последняя четверть века характеризовалась началом наступления американского империализма на страны Латинской Америки. Кубинским патриотам приходилось одновременно бороться и за независимость Кубы от монархической Испании и защищать свою родину от угрозы нового закабаления со стороны США.

Испанские власти были встревожены уже первыми выступлениями молодого писателя-патриота. Шестнадцатилетнего Марти арестовывают и бросают в каторжную тюрьму. За первым арестом следуют ссылка, новые аресты, годы изгнания.

В 1880 году Хосе Марти приезжает в Нью-Йорк, чтобы быть поближе к Кубе.

«В США, — говорит докладчик, — он видит истинное лицо северо-американского империализма. Ему становится ясным, какими бедствиями грозит народам Латинской Америки хищническая политика США.

Многие статьи, написанные Хосе Марти о США, сохраняют актуальность и сегодня. В них Марти разоблачает «новых феодальных сеньоров» — всесильные монополии, готовые принести в жертву своим корыстным интересам мир и спокойствие народов. В монополистическом капитале, «неумолимом гиганте, сидящем у дверей всех бедняков», Марти видит причину безработицы и обнищания трудящихся. Писатель выступает против царящего в США культа «индивидуализма», «господства духа наживы», «политики самохвальства и невежества».

Хосе Марти резко высказывается против пропаганды аннексии Кубы Соединенными Штатами. В письме в газету «Ивнинг пост» он пишет: «Все честные кубинцы не желают присоединения Кубы к США. Они не нуждаются в этом присоединении».

Зимой 1889—1890 гг. под нажимом США в Вашингтоне была созвана конференция американских стран. США рассчитывали добиться экономического и политического порабощения всех стран американского континента. Хосе Марти — бдительный часовой на страже интересов Латинской Америки — во-время забил тревогу. «Для испанской Америки настал час вторично провозгласить свою независимость», — писал он. В ряде статей, посвященных конференции, Марти раскрывает подлинные цели ее организаторов — вовлечь страны Латинской Америки «в битву, которую США готовятся начать со всем остальным миром».

Тревога за судьбы родины и всей Латинской Америки нашла свое отражение в лирических стихах, созданных поэтом в эти годы. Стихи эти, объединенные в сборнике под заглавием «Простые стихи», вошли в золотой фонд кубинской поэзии. Этот сборник представляет собой своеобразный лирический дневник, привлекающий особое внимание поэтическими откликами на политические события, яркими, талантливыми стихами, направленными против рабства и угнетения.

Есть боль глубокая, как море,
Среди бесчисленных скорбей, —
Зовут ее — рабство людей —
Земли величайшее горе,

(Перевод Ф. Кельина).

— пишет поэт в одном из своих стихов. В другом стихотворении он воскрешает картины своего детства — знойное небо Кубы, вереницу рабов, закованных в кандалы, жестокость и террор колонизаторов.

. . . .
Качает пальма страшный дар:
На ней невольник-негр повешен.
Труп этот мальчик увидал,
Отпрянул, как от привиденья,
Но в детском сердце клятву дал —
Отмстить за эти преступленья.

(Перевод Ф. Кельина).

Поэт не забыл клятву, данную им в детстве.

С начала 90-х годов Марти целиком отдается подготовке народного восстания, направленного против испанского владычества на Кубе. Он сплачивает разрозненные организации кубинских эмигрантов в Кубинскую революционную партию. Его речи, отпечатанные на листовках, переправляемых на родину, переходят на Кубе из рук в руки.

Хосе Марти, организатор и вдохновитель освободительной борьбы, видел в ней единственный путь к тому, чтобы сплотить кубинский народ в единую свободную нацию, «обеспечить мир, труд и благосостояние жителям Кубы». «Война за независимость народа, — пишет Марти, — есть война священная». Хосе Марти устанавливает тесную связь с кубинским подпольем. Время не ждет. На Кубе, как зарницы в предгрозовом небе, вспыхивают отдельные восстания, переходящие весной 1895 года в национально-освободительную войну. В апреле 1895 года Хосе Марти высаживается на Кубе и присоединяется к народной армии. 19 мая 1895 года он погиб в бою под Дос Риос, сражаясь в первых рядах народных бойцов.

«Я честный человек, и я умру, как честный человек, — лицом к солнцу!» — писал Хосе Марти. Он так и умер лицом к солнцу, вернее — лицом к восходу, ибо солнце свободы и независимости, за которую отдал свою жизнь поэт, еще не взошло над Кубой. Случилось то, чего больше всего боялся Марти: Куба из колонии Испании превратилась в страну, находящуюся в полной экономической и политической зависимости от США.

В 1898 году, три года спустя после смерти Хосе Марти, Куба формально стала независимой республикой, фактически же она более полувека находится на положении полуколонии США. Северо-американские империалисты, находящиеся на Кубе, рассматривают ее, как рынок сбыта, источник стратегического сырья и место для расположения своих военных баз, беспощадно эксплуатируют и угнетают кубинцев».

Заключительную часть своего доклада С. Щипачев посвящает самоотверженной борьбе за мир и национальную независимость, которую ведут народы Латинской Америки сегодня.

* * *

На вечере памяти Хосе Марти выступили гостящие в Советском Союзе кубинский писатель Хуан Маринельо и колумбийский писатель Хорхе Саламеа. Были также зачитаны письма и телеграммы, поступившие в связи с чествованием памяти Хосе Марти в Москве от венецуэльского поэта Карлоса Аугусто Леона, от участника Венского Конгресса венецуэльского генерала Хосе Рафаэля Габальдона, от бразильского писателя, лауреата международной Сталинской премии Жоржи Амаду, от участников Венского Конгресса — членов бразильской и аргентинской делегаций.

Собравшиеся с большим интересом выслушали новые переводы стихотворений Хосе Марти на русский язык, а также стихи Пабло Неруды, посвященные выдающемуся кубинскому поэту-патриоту. С чтением своих переводов стихов Хосе Марти на армянский язык выступил поэт Геворк Эмин.

По страницам печати

«Женьминьжибао» — Китай, **«Жице Варшавы»** — Польша

ПОЕЗД «МИР»

По стальным магистралям Китая курсирует быстроходный поезд «Мир».

Газета **«Женьминьжибао»** сообщает, что он построен рабочими железнодорожных мастерских города Дальнего в честь Венского Конгресса народов в защиту мира.

«Вагоны поезда «Мир», — говорится в сообщении, — имеют обтекаемую форму. В конце поезда блестят серебристые иероглифы слова «Мир», написанного председателем Китайского комитета защиты мира Го Мо-жо. За дверями, стекла которых украшены изображением голубя мира, — прекрасно оборудованные купе.

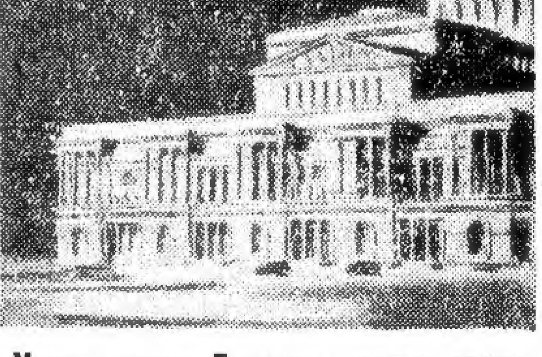
Пассажиры, находясь в салон-вагоне, могут любоваться пейзажем с трех сторон. Ввиду того, что линия Пекин — Маньчжурия становится главным путем, связывающим нашу страну со всеми миролюбивыми народами мира, министерство путей сообщения приняло решение о том, что поезд «Мир» будет курсировать между Пекином и Маньчжурией».

Железнодорожники Дальнего готовят к выпуску на линии еще два поезда «Мир».

БОЛЬШОЙ ТЕАТР ПОЛЬШИ

В столице Польши идут работы по строительству Большого театра оперы и балета.

«Строительство Большого театра, — пишет газета «Жице Варшавы», — еще одного объекта нашей шестилетки, — предприятие громадных масштабов. Кубатура театра вместе со всеми прилегающими к нему помещениями — складами, залами для репетиций, оперной студии, балетной школы, нового крыла Национального театра, гостиницы для артистов, театрального музея и др. — достигнет 455 тысяч кубических метров. Это будет второе по величине, после Дворца культуры и науки, здание в столице».

Макет здания Большого театра оперы и балета в Варшаве.

Снимок из польской газеты «Жице Варшавы»

Строительство театра, рассчитанного на 1.750 зрителей, осуществляется по проекту профессора Богдана Пневского. На снимке, взятом из газеты «Жице Варшавы», показан макет здания театра.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б01206.